Грядущей

ЗАДАЧИ XII съезда РКП

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН171
3256

Л. ТРОЦКИЙ

ЗАДАЧИ XII С'ЕЗДА Р.К.П.

ЕН171
3-256

БИБЛИОТЕКА ЦКВ (ЗЕ) ИСТПАРТА

ИЗД. КРАСНАЯ НОВЬ
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ
МОСКВА
1923

№ 1519
335.5к : 081
С/XII-III.70
081 : 335.5к
III.70; 9/XII-93

Л. Троцкий

БИБЛИОТЕКА ЦКВКП(б) ИМЕНИ МАРТА
ЕН 171
3 256

ЗАДАЧИ XII С'ЕЗДА РКП

К БОЛЕЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОМУ,—

К БОЛЕЕ ПЛАНОВОМУ—

РАЗРЕШЕНИЮ ТЕХ ЖЕ ЗАДАЧ!

С ПРИЛОЖЕНИЕМ
СТАТЬИ
„МЫСЛИ О ПАРТИИ"

2 экз

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ ◇ МОСКВА ◇ 1923

К.

ЕН171
3-256

БИБЛИОТЕКА

(1200/28)
2942/36 с1.

1062660

Главлит № 6025 Тираж 10.000 экз.

„Мосполиграф"—20-я типография „Красный Пролетарий", Пименовская ул., д. 1/16.

ЗАДАЧИ XII С'ЕЗДА РКП

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ XII ВСЕУКРАИНСКОЙ ПАРТ-КОНФЕРЕНЦИИ 5 АПРЕЛЯ 1923 Г.

БИБЛИОТЕКА
ЦКВ ТОО
ПОТЕРЯНА

Международная и внутренняя обстановка.

Товарищи! С'езд партии собирается раз в год. Значит, формально говоря, задача с'езда состоит в первую голову в том, чтобы оценить опыт истекшего года и наметить основную линию работ на предстоящий год. Но наша партия не партия политического эмпиризма, т.-е. не такая партия, которая живет от случая к случаю и со дня на день. Мы—партия марксизма, научного социализма, наши методы, мысли, оценки событий охватывают не год, а большой исторический период, и поэтому опыт истекшего года и задачи предстоящего года мы оцениваем с точки зрения нашего воззрения на всю переживаемую нами эпоху—не для того, чтобы раствориться и растворить свою мысль в общих местах, а наоборот, для того, чтобы из общей оценки вывести совершенно конкретные, отчетливые директивы для нашего поведения в ближайшее время. Если, товарищи, мы поставим перед собой вопрос в указанной только что мной перспективе, то прежде всего должны будем ответить себе: за истекший со времени XI с'езда РКП год произошли ли какие-либо основные, принципиальные изменения в международной и во внутренней обстановке, изменения, которые требовали бы радикального пересмотра наших задач?

Возможны ли вообще такие изменения? Конечно, возможны. X-й с'езд РКП два года тому назад поставил очень большую веху, и ваши соответствующие украинские с'езды проделали ту же работу: пересмотра пройденного пути, переоценку задач и методов. От политики военного коммунизма мы, в связи с международной обстановкой и

внутренней, перешли к так называемому НЭП, который ныне развернулся в целую историческую эпоху с особой группировкой сил и с особыми способами работы. В эту эпоху мы сегодня живем, и мы должны спросить себя: вот, со времени X-го с'езда и со времени XI-го с'езда, который только уточнил, углубил поставленные X с'ездом РКП задачи,—со времени XI-го с'езда произошли ли какие-либо радикальные изменения в международной и внутренней обстановке? Это, товарищи, есть центральный вопрос, раз мы хотим правильно оценить работу нашей партии в целом — и в масштабе Украины и в масштабе работы ЦКРКП, по поручению которого я вам делаю настоящий доклад.

Что значит международная обстановка? Для нас международная обстановка есть в первую голову совокупность тех условий, которые ускоряют или замедляют международную революцию. Изменилась эта международная обстановка или нет? Конечно, изменилась. Изменилась ли она принципиально, качественно со времени X-го с'езда? Нет, не изменилась.

В этом существо дела. Откуда взялся этот большой исторический поворот, который мы на X-ом с'езде проделали, поставив партию под знаком, под которым она живет до сегодняшнего дня? Этот поворот вырос, — об этом мы не должны забывать ни на одну минуту, иначе мы впадем в провинциализм, в национальную ограниченность, — этот поворот вырос из-за медленного темпа мировой революции. В 1917, 18, 19 гг., отчасти еще в 1920-м, когда мы шли к Варшаве, мы оценивали иначе—не общий ход развития мировой революции, а темп ее, скорость, не так, как оцениваем сегодня. Выяснилось, однако, на фактах, что мировая революция, понимая под нею и борьбу пролетариата за власть на Западе, и борьбу колониальных и полуколониальных народов Востока за национальное освобождение—это два крыла, две стороны одной и той же борьбы, направленной против империализма,—выяснилось, говорю, что мировая революция вынуждена в своей подготовительной стадии преодолеть гораздо больше пре-

пятствий, чем мы все склонны были думать на исходе империалистической войны и немедленно после ее завершения. Да, в этом существо дела. Выяснилось для нас в течение 1920—1921 гг. с абсолютной ясностью, что еще, может быть, в течение довольно продолжительного времени Союзу Советских Республик придется существовать в капиталистическом окружении. Прямой и непосредственной помощи пролетариата, организованного в государство, притом в государство более высокого типа, большей экономической мощи, чем мы, мы завтра еще не получим. Так мы сказали себе в 1920-м году. Мы не знали, идет ли речь об одном, двух, трех или о десяти годах, но мы знали, что перед нами начинается эпоха серьезной и длительной подготовки. Отсюда основной вывод тот, что нам нужно в ожидании перемены соотношения сил на Западе гораздо более внимательно и остро присмотреться к соотношению сил у нас самих в Советском Союзе. Главное же соотношение сил у нас — это соотношение между рабочим классом и крестьянством. Рабочий класс — единственный класс, способный не только в дальнейшем довести нашу страну до социализма, но и непосредственно спасти ее от гибели, от распада, от разрухи. Но численно он есть небольшое меньшинство, наряду с подавляющим большинством крестьянства.

Основная задача, как формулировал ее на X-м с'езде тов. Ленин, состоит в установлении правильных экономических и политических отношений между рабочим классом и крестьянством, ибо в этой области сделать ошибку—значит рисковать упасть. А это тем опаснее, что нас еще пока-что никто не подымет, никто на Западе не подхватит нас под руку, если пошатнемся и будем падать: там еще пролетариат у власти не стоит. И вот, под этим углом зрения мы спрашиваем себя: за последний год произошли ли какие-либо радикальные, основные изменения в мировой обстановке,—а я сказал уже, что мировая обстановка есть для нас совокупность условий, ускоряющих или замедляющих ход пролетарской революции. Вспомним основные факты: победу фашизма в Италии, прише-

ствие к власти консерваторов-империалистов в Великобритании, победу крайнего империалистического крыла национального блока во Франции и оккупацию Рура французами, которая на днях привела к расстрелу эссенских рабочих французскими солдатами. Вот четыре капитальных факта этого года! Они означают, что в политической плоскости передвижка сил за этот год шла в сторону укрепления диктатуры империализма, в лице самого крайнего его крыла, с применением самых крайних, беспощадных методов милитаризма. Этим резюмируется политический процесс, развивавшийся за этот год в Европе.

Отсюда как бы вытекают, на первый взгляд, пессимистические, мрачные выводы. Выходит, как будто, что буржуазия стала за этот год сильнее, чем она была до XI-го с'езда. Это по форме, по видимости, верно, но по существу неверно. На другой день после империалистической войны буржуазия чувствовала себя несравненно слабее, чем ныне, а пролетариат чувствовал себя революционно и стихийно напирал. Так было по всей Европе, в одной стране больше, в другой меньше. Столкновения выражались в разных формах. Пролетариат убедился, однако, на тяжком опыте, что для низвержения буржуазии у него сил не хватает, потому что не хватает руководства, организации, спайки, опыта. Буржуазия убедилась, что она еще твердо стоит на ногах, что пролетариату ее не легко опрокинуть—и вот происходит передвижка в сознании этих классов. Буржуазия с 1919 года начала все более и более укрепляться в своем классовом самочувствии. Пролетариат Европы, который в 18—19 гг. стихийно напирал на буржуазное государство, начал в тяжелых массах своих задумываться над тем, что ему не хватает кой-чего для завоевания власти, для перемены строя. И тут две волны—волна укрепления политического самочувствия буржуазии и волна отлива стихийно-революционных настроений пролетариата—протекают за последние 3 года на наших глазах. Это два процесса капитальной важности. Кто их не оценивает, тот не оценивает мировой обстановки. Но еще Маркс нас учил, что класс не всегда думает о себе то,

чем он является на самом деле. Класс может быть уже могущественным по своему положению в производстве, по своей роли, но еще не понимать этого. Класс может уже утерять под ногами экономическое могущество на половину или на три четверти, но держаться еще своим опытом, инерцией, привычными методами господства. И вот это положение мы имеем ныне в Европе. Буржуазия после опыта 18—19 годов считает себя гораздо сильнее, чем она есть на деле, ибо ведь хозяйство она восстановить не в силах, ибо развал капитализма идет своим путем, ибо других методов, кроме методов хищнических, кроме захватов и разрушений, как в Руре, у буржуазии нет, а класс, который не имеет возможности вести вперед производство, есть класс обреченный. Буржуазия считает себя, вследствие опыта 18 и 19 года, гораздо сильнее, чем она есть на деле. Пролетариат Европы после того же опыта, наоборот, чувствует себя, в подавляющем своем большинстве, гораздо слабее, чем он есть на деле. Европа проходит через свою столыпинщину (период мнимой крепости), прежде чем докатится до своей керенщины. Вот в чем сейчас ключ ко всей политической ситуации: в несоответствии между политическим самосознанием классов и между их об'ективным положением и об'ективной силой.

„Передышка" превратилась в целый период.

Кто, товарищи, этого не усвоил себе, не продумал до дна, тот будет сбиваться на основании газетных повседневных сведений, не найдет к мировому положению ни главного ключа, ни повседневных ключиков, тот может впасть в пессимизм. Процесс, который происходит в Европе, может еще больше сдвинуть официальную политику направо, в сторону империалистического единодержавия крайних клик буржуазии, но именно эта сдвижка официального буржуазного аппарата вправо создает еще большую пропасть не только между буржуазией и пролетариатом, но и между буржуазным государством и основными элементарными потребностями хозяйства и общежития

всего народа и тем самым подготовляет фатальную неизбежную революционную катастрофу.

Эта катастрофа подготовляется и на Западе и на Востоке,—медленнее, чем мы рассчитывали в 1918 г. Я сказал: и на Востоке,—потому, что если борьба индусов, если борьба Китая и других колониальных и полуколониальных народов относится к другой исторической эпохе, гораздо более отсталой, чем борьба пролетариата за власть, то эти две эпохи сейчас фактически соединены в одну эпоху: индус борется против того же самого империализма, против которого борется английский передовой пролетариат. И поэтому на весах истории, на наших с вами весах Коммунистического Интернационала, борьба угнетенных колониальных народов и борьба передового европейского пролетариата представляет собой две части одной и той же борьбы, только при разных родах оружия. Поэтому для нас колониально-национальная борьба является не отзвуком какой-то старой эпохи, о которой мы можем наполовину позабыть, а условием победы пролетарской революции во всем мире. Я перелистывал на-днях протоколы XI-го с'езда партии и натолкнулся, между прочим, на речь т. Скрыпника, в которой он с несомненной правильностью указал, что вопрос о нашей национальной политике внутри страны, внутри РСФСР, внутри всего нынешнего Союза (тогда еще не было Союза, а была неоформленная Федерация), есть вопрос о нашей мировой политике по отношению к Востоку, а Восток, т.-е. борьба угнетенных наций за равноправие и свободу, есть колоссальный фактор мировой революции. Это особенно верно сейчас, и к этому я еще вернусь.

Время, товарищи, в политике играет огромную роль. Время—важный фактор политики, и вот оказалось, что времени на подготовку к революции отсталым народам Азии и передовому пролетариату Европы нужно больше, чем мы думали. Отсюда-то и вырос пересмотр очередных наших задач и методов на X-ом с'езде партии и на III-м Конгрессе Интернационала—в мировом масштабе. На III-м Конгрессе Интернационала была поставлена очень большая

новая веха: „завоюй массы, прежде чем практически говорить о завоевании власти“,—мы назвали новым этапом политическую полосу после III-го Конгресса. Во внутренней нашей жизни, на X-м с'езде, мы назвали наш новый курс новой экономической политикой, сокращенно НЭП. Но НЭП подходит недурно и для нового этапа и для новой экономической политики, и это, товарищи, некоторым образом словесный символ, потому что новая экономическая политика внутри советских стран почти целиком вытекала из нового этапа в международном масштабе. Раз европейскому рабочему приходилось готовиться и готовиться в течение неопределенного ряда лет, раз мы немецкой и французской техники и организаторской помощи ни завтра, ни после завтра не получим—так мы сказали себе, два с лишним года тому назад—то нам нужно лучше и зорче присмотреться к тому, что делается у нас под ногами, к соотношению сил внутри нашей страны, к состоянию крестьянского хозяйства, к его платежеспособности и исторической выносливости и, сообразно с этим, построить и перестроить нашу политику. Отсюда новый курс. И в такой большой перспективе дает ли последний год основания или данные для пересмотра нового курса? Нет. Та передвижка сил, которая началась после поражения итальянских рабочих в сентябре 1919 г., которая продолжалась в 1920 г. после нашего отскока от Варшавы, после мартовских событий в Германии, после поражения германского пролетариата в результате преждевременного революционного наступления,—передвижка сил после этих событий, заканчивающих первую стихийно-революционную волну, еще продолжается, еще не уперлась в поворотный пункт.

Вот основные факты и, вместе с тем, основной критерий для оценки настоящего момента. Мы не раз, по почину Владимира Ильича, называли наступавший новый период после военного коммунизма „передышкой“. Сейчас это слово выходит из употребления, и не случайно. Сейчас мы употребляем чаще другое слово того же автора „смычка“—по отношению к крестьянству. Почему мы не говорим теперь так часто о передышке? Потому что в

1919—20 году для всех нас этот новый период не определился еще во всем своем об'еме. Да, перемена, говорили мы, и серьезная перемена, но может быть она будет исчерпана в один—в два года, в зависимости от того, как сложатся события в той же Германии, на границах Германии, Франции и т. д., другими словами, беря на глаз, мы тогда определяли эту переходную эпоху, как более короткую—в нашем самочувствии, в нашем к ней подходе. Оказалось, однако, что это не просто „передышка", а что это большая историческая пауза, которая превратилась в целую эпоху. Прошло 3 года новой ориентации в мировом и внутреннем масштабе, и мы еще не знаем, когда этот новый период будет исчерпан, сколько времени пройдет: годы ли, или месяцы... гадать нельзя, но если бы спросили меня, годы или месяцы, то я ответил бы (опять-таки, прибавив еще раз в скобках, что гадать нельзя): если месяцы, то их будет вероятно много, если годы, то их будет вероятно не так много (смех), не требуйте большей точности в предсказаниях. Но несомненно, что это уже не просто передышка, а целая историческая эпоха.

И вот, товарищи, чем об'ясняется потребность нашей партии, потребность, выросшая из опыта последнего года, пересмотреть, проверить и провентрить основные вопросы нашей работы—именно под углом зрения того, что новый этап затягивается на целую историческую эпоху. Нам по данной дороге, т.-е. по российскому проселку, на данной телеге, т.-е. на нашей российской, плохо смазанной телеге, и на вашей украинской, которая, я не думаю, чтобы была смазана уж очень лучше российской, (смех) придется еще совершать значительный исторический путь в течение, может быть, продолжительного времени.

Общая задача XII-го с'езда.

И партия говорит себе: а посмотрим, какова у телеги ось, а посмотрим-ка на колесо, а посмотрим-ка на чеку, выдержат или не выдержат, и не нужно ли чего заменить. Вот основной вопрос XII-го с'езда. Мы не говорим, что мы

оставляем позади себя одну эпоху и утверждаем новую, нет, мы говорим:—та эпоха, в которую мы официально вошли с X-го с'езда, затянулась на Западе, а потому и у нас. Пересмотрим же наше оружие, способы и методы. Выдержат ли они в течение затянувшейся эпохи? Проверим нашу союзную телегу во всех ее основных частях. Это значит, прежде всего, отношение рабочего класса к крестьянству, а отношение между рабочим классом и крестьянством в широком смысле об'емлет и вопрос о промышленности, ибо промышленность держится у нас на крестьянском базисе; отношение рабочего класса и тех национальностей, которые были раньше угнетены, ибо это в сущности только подвопрос основного вопроса об отношении рабочего класса к крестьянству; вопрос о взаимоотношении партии и рабочего класса; вопрос о взаимоотношении партии и государственного аппарата, т.-е. наиболее несмазанного колеса в нашей телеге. Вот, товарищи, главные вопросы. Это в сущности вся механика нашей диктатуры—партия и класс, рабочий класс и крестьянство, партия и государственный аппарат. Промышленность и национальный вопрос связаны целиком с вопросом об отношении пролетариата и крестьянства. В проверке, в выстукивании основных вопросов и состоит задача XII-го с'езда и вашей конференции.

Если эпоха НЭП'а затягивается, то из этого прежде всего вытекает тот вывод, что опасности, заложенные в данной эпохе, умножаются, и вместе с тем задачи требуют более правильного, рассчитанного к себе подхода. Заранее, до доклада по отдельным вопросам, мы можем, следовательно, сказать, что не о пересмотре задач идет дело, ибо задачи остаются те же, поскольку совокупность новых условий та же, но о принятии дополнительных предохранительных мер против опасностей и об упорядочении и систематизации методов для разрешения основных задач эпохи. Вот, по моему, как гласит общая формула XII-го с'езда.

Проверим ее на отдельных вопросах, ибо только тогда она получит конкретное значение.

Пролетариат и крестьянство.

Пролетариат и крестьянство—это есть вопрос о нашем государственном аппарате, об источниках его доходов, об издержках и расходах,—и недаром уже во время своей болезни, до того, как она приняла более тяжелый характер, Владимир Ильич, оторванный от текущей работы, сосредоточил свою мысль на двух тесно связанных вопросах: первый—пролетариат и крестьянство в целом, второй—национальный вопрос. Постановкой обоих этих вопросов с такой остротой и выпуклостью мы целиком обязаны инициативе т. Ленина. В своих статьях, посвященных Рабкрину, ЦКК и проч.—вы все их, разумеется, помните и всем, разумеется, еще не раз придется их перечитывать — он делает вывод, который можно формулировать так: идите вперед, но не зарывайтесь, помните, что мы еще в условиях мирового нового этапа и внутреннего НЭП'а, что наша промышленность, и с нею государственный аппарат, опираются и не могут не опираться на нашу отсталую крестьянскую экономику, и что наш государственный аппарат и наша промышленность для своего движения вперед могут поглощать и требовать от крестьянства только ограниченное количество рессурсов. Каково это количество? Конечно, его теоретически определить нельзя. Здесь нужен подсчет и расчет. И, конечно же, из вопроса о том, сколько в данном году крестьянство может дать на нужды государственного аппарата, для обороны и для промышленности, из этого вопроса делать лозунг идейной борьбы, как некоторые товарищи, которые говорят и пишут, что мы слишком мало берем с крестьянства, что мы крестьянофилы (я здесь имею, в частности, в виду некоторые статьи тов. Ларина), это — несомненная ошибка. Вопрос о том, сколько может крестьянство дать, это очень важный вопрос, но это вопрос практический, а не принципиальный. Нужно, чтобы крестьянин дал не меньше того, что он может дать, но и не больше. Нужно поставить себе условием: взять с крестьянина столько,

чтобы он в будущем году был богаче, чем в этом году. Это формула, которую крестьянин поймет, и это основа нынешней нашей государственной политики. Она очень отличается от прежней формулы, во время военного коммунизма, когда мы говорили крестьянину: давай все излишки. Без излишков хозяйство не поднимается, не живет, а падает. Теперь мы говорим: крестьянину излишки необходимы для поднятия его хозяйства. Без поднятия сельского хозяйства не может быть вовсе промышленности. Стало быть: семь раз отмерь, а потом уж отрежь. Но это не есть вопрос борьбы классов у нас. Вернее сказать вся мудрость нашей партии должна быть направлена к тому, чтобы этот вопрос не сделался вопросом классовой борьбы, а был вопросом соглашения, компромисса. Да, мы соглашатели в этом вопросе, мы радикальные соглашатели в вопросе о том, чтобы рабочие государства сговорились с крестьянином. Ты, крестьянин, дай максимум того, что можешь, а через год, через два, через три, ты будешь возмещен за эту ссуду, и во всяком случае мы тебя обеспечим от контр-революции, от белогвардейщины. В этом государство идет на соглашение с тобой полностью и целиком, ибо это наш общий интерес, чтобы взять с тебя столько, чтобы в будущем году ты (а, стало быть, и все государство) был богаче, чем в нынешнем году. Конечно, мы можем ошибаться в расчетах, и это неизбежно по отдельным районам, по отдельным местностям, но основная наша линия безусловно верна. Так решается вопрос о количестве налогов. А дальше идет вопрос о том, как взимать с крестьянства. Это тоже не простая вещь. Если крестьянина дергают из месяца в месяц, если он находится всегда перед разнообразием нашей налоговой фантазии, как государственной, так и местной, это его выбивает из равновесия. А крестьянин—самый плановой хозяин. Он живет по солнцу, он живет по звездам, по временам года, и его хозяйство требует плана. Мы нарушаем этот план налоговым, фискальным не плановым дерганием. И вот почему мы говорим ныне. Во-первых: определить правильно общее количество крестьянского налога. Формулу я пытался дать.

Цифры—это дело, конечно, наших государственных органов под руководством нашей партии, под ее наблюдением. Во-вторых: налоговая техника, сведение этих бесчисленно разнообразных налогов к единству. Придай налогам форму наиболее простую и наиболее понятную для крестьянина и, вместе с тем, наиболее удобоносимую. Установи соотношение натурального и денежного налога в соответствии с особенностями хозяйства в данном районе, в данной области, в соответствии с мощью или слабостью хозяина.

Вопрос о налоговой политике—есть важнейшая сторона основного вопроса о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства. С этим тесно связан вопрос об экспорте: раз мы не только согласились, но считаем необходимым оставить в распоряжении крестьянина все большие излишки, мы должны ему дать возможность эти излишки, пока еще скромные, реализовать. Реализовать эти излишки он не может только на внутреннем фронте, ибо из этого получается ужасающее несоответствие между ценами продуктов промышленности и продуктов сельского хозяйства. Это несоответствие вытекает из состояния нашей индустрии, и из оторванности нашего сельского хозяйства от мирового рынка. Стало быть, открой крестьянину выход на мировой хлебный рынок, дай возможность крестьянину реализовать излишки, которые у него будут из года в год возрастать, дай возможность их реализовать для под'ема сельского хозяйства. И в этой области, между мировым рынком и крестьянством мы, в качестве смычки, ставим не спекулянта экспортера, а рабочий класс и его советское государство, которое выступит теперь еще в новой дополнительной роли, вытекающей из его старой роли, в качестве посредника между мировым рынком и продавцом сельско-хозяйственных избытков, российским, украинским и иным крестьянством нашего союза. Эти два вопроса тесно связаны друг с другом. Упрощение, упорядочение, придача планового характера нашей налоговой политике теснейшим образом связано с экспортом нашего хлеба за границу. И последний X-ый с'езд Советов, если вы помни-

те, потребовал плановой постановки всей нашей внешней торговли. Монополия ее в руках рабочего государства, это незыблемое условие пролетарской диктатуры, требует придания внешней торговле планового характера, т.-е. не от случая к случаю, продай что можешь, купи то, что ухватишь (так мы торговали полуконтрабандно в 19-ом году и в 20-м году); нет, согласуйте внешнюю торговлю и с развитием крестьянского хозяйства, с неизбежным дальнейшим наростанием возможности хлебного экспорта и с состоянием нашей промышленности, которую мы должны и будем ограждать. Ибо мы решительно сторонники социалистического протекционизма, иначе нашу промышленность расхитит иностранный капитал. Прежде наша налоговая политика вела нас от случая к случаю, возьми, что можешь, время не терпит. Не было упорядоченных методов. Раз дело затянулось, т.-е. раз советское государство поставлено на значительный период в прямую и жесткую зависимость от состояния сельского хозяйства, вводи налоговую политику в рамки серьезного, надолго расчитанного, плана. Не дергай по частям, не расшатывай, не раздражай крестьянина, ибо это и ему вредно, и тебе не будет пользы, а введи в систему планового фиска, который заглядывает далеко и зорко. Семь раз отмерь и руководствуйся формулой: возьми столько, чтобы крестьянин в следующем году был богаче, чем в этом году. Придать плановой характер на ряд лет и нашему фиску и нашей внешней торговле—вот, товарищи, очень важный вывод, который я тоже хотел бы, как и первые основные выводы, закрепить в вашей памяти.

Государственная промышленность.

Подойдем теперь под тем же углом зрения к промышленности. Главные жалобы наших хозяйственников за последний год—и у вас на Украине и у нас в Москве—связаны с вопросом о так называемых оборотных средствах. Со времени перехода на НЭП не одному мне, конечно, приходилось разговаривать с десятками хозяйствен-

ников в таком смысле, что ваше предприятие нужно бы просто закрыть, на что мы встречали ответ: „Да вы дайте только нам оборотных средств немного, и мы вам покажем, что предприятия наши разовьются, подымутся и т. п.“ Это самый распространенный ответ и до сегодняшнего дня. Дайте нам только оборотные средства, и мы, вместо этих жалких оборотных средств, бумажек, дадим вам такие великолепные вещи, как металл, кожу, уголь, все, что угодно... Такое отношение к делу есть невольное перенесение методов мышления из периода военного коммунизма в условия НЭП'а. Ибо что значит недостаток оборотных средств? Это значит отсутствие необходимой емкости рынка,—понимая под рынком и его крестьянскую часть, и его государственную часть, ибо в последнем счете все сводится к тому же: раз государственная промышленность не дает в целом пока прибыли, то государственный бюджет в основном опирается на крестьянство. Вне государства, как потребителя (для армии, для железных дорог и пр. и пр.), остается опять-таки, главным образом, крестьянский рынок. Стало быть, от количества крестьянских избытков,—все равно тратит ли их крестьянин непосредственно на покупку продуктов промышленности, или же передает их государству,—зависит количество тех средств, которые могут быть в распоряжении нашей промышленности. Эта основная истина, от нее не уйдешь и через нее не перепрыгнешь. Разумеется, при развитии своем, когда промышленность становится прибыльной, когда она создает прибавочную стоимость и передает прибавочную стоимость в руки государства, промышленность и сама создает свой собственный рынок сама расширяет возможность поглощения, реализации своих продуктов. Но это в будущем. Сейчас же роль крестьянства, как рынка, у нас еще в течение годов и годов останется очень значительная, конечно, все более и более уменьшаясь.

И до тех пор, пока промышленность у нас (скажу это прямо и откровенно) убыточна, пока она, в целом беря и легкую и тяжелую, живет за счет бюджета, за счет нало-

гового аппарата, до тех пор говорить, „дайте мне еще и еще оборотных средств“—это значит заниматься фантастикой, это значит пытаться себя за волосы поднять над землей. Оборотные средства можно получить путем выравнения и углубления связи между промышленностью и крестьянским хозяйством, путем понижения себестоимости продуктов промышленности, путем сочетания крестьянского хозяйства—через честного и хорошего маклера, т.-е. через рабочее Советское государство—с хозяйством западно-европейским. Таким путем, и лишь постепенно, можно обеспечить промышленность оборотными средствами. Даже, товарищи, если бы с неба упали сейчас эти оборотные средства, то поглотит ли их наша промышленность? Если бы нам, упаси боже, Америка дала миллиард долларов золотом, то и в этом случае главная наша забота должна была бы быть направлена на поддержание правильного соотношения между городом и деревней, дабы промышленность в целом, или какая-либо из ее отраслей—не обкормилась, потому что несварение промышленного желудка (кризис или ряд кризисов!) тоже было бы опасно: и нам надо было бы давать оборотные средства такими порциями отощавшему организму, чтобы кровь текла во всех жилах равномерно. Металл, например: при нашем хозяйстве, при нашем состоянии транспорта не так то легко его „переварить“. Значит, и тут вопрос в том, чтобы соблюдать темп, не зарываться. А тем более сейчас, когда никто нам никакого подарка, насколько я могу понять, не собирается делать...

Я сказал, товарищи, что наша промышленность является убыточной,—я не сомневаюсь, что эти слова будут нашими врагами, и империалистами и меньшевистской дрянью всего мира, подхвачены, и на всех языках будут говорить, что на конференции в Харькове Троцкий признал, что их промышленность убыточна, а это означает, что диктатуре пролетариата грозит неминуемая гибель, ибо раз промышленность убыточна, то-есть не наростает, а подтаивает, то это значит, что под ногами пролетариата подтаивает та льдина, на которой он стоит и пр. и

пр. И тем не менее, товарищи, я слов своих назад не беру,—это наша привычка вообще—говорить, что есть; в этом направлении воспитывал партию Владимир Ильич, и от этого воспитания нам отказываться нельзя, мы должны самим себе говорить правду о себе, от этого уклоняться нельзя, можно сделать много ошибок и можно их исправить и итти вперед, но если бы мы приучились привирать о себе самих, прихорашиваться к партийным и советским с'ездам, тогда мы пропали бы безвозвратно. Наша промышленность в целом пока еще убыточна,—я говорю в целом: то-есть легкая и тяжелая вместе. Легкая промышленность в некоторых отраслях хвалится, что она прибыльна. Я не знаю, проверяли ли вы, я не проверял, да и проверить сейчас трудно, и общей ответственности за такую оценку я лично на себя не беру, но из тех частных проверок, которые я делал, я приходил к выводу, что, если не всегда, то во многих случаях, прибыль легкой промышленности фиктивна и получалась нередко за счет других отраслей хозяйства. Разумеется, когда текстильщикам до зарезу нужны оборотные средства, а продукты текстильные не принимает рынок по ценам выше себестоимости, нужно спустить пониже цены, а как понизить?—на это есть искусство черной и белой магии, так называемая калькуляция (с м е х).—Калькуляция, это если вы старый хлопок засчитаете по тем ценам, по которым вы его когда-то покупали, а не по тем ценам, которые он имеет сегодня, или что еще важнее, не по тем расходам, которые вам нужно произвести, чтобы получить новый хлопок. Очевидно, что текстильная промышленность сможет действительно двинуться вперед лишь в том случае, если вместо того хлопка, который мы выпускаем на рынок, мы сможем воссоздать новый хлопок. Если же старый хлопок превратить в ткани, причем в балансе получается прибыль, а на деле-то туркестанские плантации идут назад, а основные сырьевые запасы хлопка уменьшаются—это значит, что прибыльность фиктивна, она высчитывается за счет старых запасов, которые тают. Во многих других случаях легкая промышленность держится на тя-

желой, она питается углем, металлом и другими видами сырья, и тут, действительно, нужно подсчитать издержки, начиная с фундамента; и тогда лишь обнаружится, действительно ли тут прибыль или же тут разбазаривание основных рессурсов государства. Это дело очень сложное, особенно при слишком подвижном нашем рубле, а между тем этому делу мы должны научиться во что бы то ни стало. Раньше мы говорили: „социализм это учет", а теперь нужно сказать: социализм—это калькуляция, но не та, которая похожа на белую и черную магию, а действительная калькуляция, оперирующая с хозяйственными реальностями. Баланс есть учет, но—приспособленный к формам новой экономической политики. Этот перевод учета на язык НЭП'а—не очень приятный язык, но ведь мы на этом именно языке разговариваем пока-что плохо, а нам нужно научиться разговаривать на языке рынка как следует быть. Вопрос о калькуляции для нашей промышленности и вопрос о балансе есть, в последнем счете, вопрос о том, сумеет ли она подсчитать, что она берет у крестьянина, и что она ему дает прямо или через рабочее государство. Это основной вопрос. Баланс не есть техника,—баланс это, мол, для бухгалтеров, а мы „высокие политики". Нет, извините, калькуляция и баланс—это настоящая проверка устойчивости рабочего государства и взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством. Помимо этих методов, других, действительно надежных, у нас нет и быть не может. И вот в чем усложнение задачи, поставленной еще на X-м с'езде. Если в области фискальной политики мы говорим: от дергания мужика переходи к плановой налоговой системе, заглядывая вперед; если в вопросе о крестьянских излишках мы говорим: от прежних наших разговоров о местном рынке переходи к смычке с мировым рынком через посредство рабочего государства,—то в области промышленности мы говорим: вместо попрошайничества от случая к случаю у государства: „дайте мне еще денежек, дайте еще", перейди к правильной калькуляции, к правильному балансу, без правильной калькуляции и без правильного баланса денег

не получишь,—ибо это есть вопрос жизни и смерти для страны (аплодисменты).

Я сказал, что промышленность наша в общем и целом убыточна и прибавил, что все наши враги, конечно, подхватят это признание. Но тут нужно дать некоторое общее об'яснение не чисто-хозяйственного, а исторического порядка. Революция в целом вызывает огромные издержки. Наше хозяйство вообще понизилось с 1917 г. Это вы знаете все, что мы сейчас гораздо беднее, чем наша страна была в последний период существования старого режима. Но это исторический закон: каждая революция приводит к тому, что новый господствующий класс начинает все господство на экономическом фундаменте более низком, чем тот фундамент, на котором кончал свое господство прежний господствующий класс. Революция—есть разрушение—гражданская война... Можно сказать, что революция вызывает „слишком" большие расходы. Но так считают те классы, против которых революция направлена, да еще межеумочные группы. Пролетариат же считает, что эти расходы в последнем счете окупятся сторицею; поэтому он революцию и производит. Но революция не есть один законченный поворот или переворот. Внутри революции имеются свои повороты. Переход от военного коммунизма к НЭП'у был значительным, но частным поворотом внутри большого революционного поворота. А за каждый поворот нужно платить. Так поставила дело эта мать или мачеха—история: где делаешь поворот, там рогатка: плати за выучку! За революцию в целом пролетариат платит временным понижением общего производственного уровня; за переход от военного коммунизма к НЭП'у, за обучение новым методам рабочий класс платит в том виде, что его хозяйственные органы разбазаривают часть того достояния, которое осталось от эпохи военного коммунизма для того, чтобы пустить промышленную машину в ход. Тот факт, что рабочее государство при смене методов хозяйства терпит известный убыток, сам по себе не является для нас трагическим, наоборот, он в порядке вещей. Но если это есть плата за переход от одной системы хозяй-

ствования к другой, она должна быть платой единовременной, а не постоянной. Если бы убыток вошел в норму, то это грозило бы расточением основных ресурсов государства. Убыток за переход от военного коммунизма к НЭП'у заплатили, а дальше—давайте работать с прибылью!

Прибыльность промышленности может быть достигнута только целым рядом мероприятий, о коих у нас будет детальный разговор при обсуждении соответственного пункта порядка дня. Но общая линия этих мероприятий ясна: от кустарничества и неразберихи надо переходить к систематизированной плановой работе.

Товарищи, я читал в вашем „Коммунисте" прения, которые были на Донецкой Губернской Конференции по докладу товарища Квиринга (разумеется, в очень сокращенном изложении). Там рассказывалось о том, как партийная организация вынуждена была во все критические моменты быть на чеку—поднимать шум, тревогу и т. д., потому что промышленности непрерывно грозили финансовые толчки. Это характеризует не только Донецкий бассейн, т.-е. сердце нашей промышленности, это характеризует хозяйство наше в целом, и от этих сотрясений, толчков, от этой шаткости и бесформенности хозяйственных отношений, разумеется, нет и не может быть спасительного скачка в царство какого то абсолютного плана, но должен быть постепенный выход на широкую плановую дорогу. Мы были бы, разумеется, ребятами после опыта этих лет, если бы думали, что мы можем из себя, как паук паутину ткет, создать идеальный хозяйственный план и заменить им то, что делается ныне. Это было бы возвращением к худшим иллюзиям главкократии, когда, вместо универсального плана, получился универсальный хозяйственный запор. Совершенно ясно, что живой и жизненный план можно создавать только на опыте того кустарничества, тех шатаний, дерганий, ошибок и даже той проклятой черной и белой магии под видом калькуляции, которые мы имеем теперь,—только на этой основе, не априори, а апостериори, как говорит философия, т.-е. на основе опыта, проверок, исправлений можно строить и

уточнять план: задача эта должна быть поставлена ясно и отчетливо во весь рост. Политика „от случая к случаю“, практика импровизации, хозяйственная партизанщина, кустарничество—должны все больше и больше—под настойчивым и упорным руководством нашей партии—уступать место плановым методам и плановому началу. Иначе будем и впредь слишком часто отцеживать комаров, проглатывая верблюдов. Выражением плановых методов в области промышленности и торговли является калькуляция,—отчетная калькуляция за прошлый период, сметная калькуляция, или плановая на ближайший период. Не только отдельный завод, отдельный трест, не только промышленность в целом, но все наше государство в целом, весь наш Союз, должен все больше и больше переходить на реальный баланс. Это не простая штука. Нужно, чтобы этот баланс отвечал реальности, то-есть средствам, какие имеем. Лучше меньше, скупее, но чтобы была устойчивость. В своей последней статье Владимир Ильич писал: „лучше меньше, да лучше“ (это по вопросу о Рабкрине). По вопросу о бюджете и отдельных сметах мы скажем:—лучше меньше, да тверже. Режь до последней степени, но чтобы было в твердой единице, чтобы все знали, на чем стоят! Если ошиблись, исправим в порядке плана. Главное дело, чтобы каждый хозяйственный орган знал, на чем стоит, чтобы не было этой бесформенности и шаткости, которая на ряду с нашей бедностью является одним из самых убийственных факторов в нашей хозяйственной жизни. Баланс общегосударственный, баланс треста и баланс отдельного предприятия! Насколько я знаю ваши прения по вопросу об организации донецкой промышленности и насколько я могу судить по общему торгово-промышленному опыту нашего Союза, мы должны как можно скорее доделать одно дело: это освободить тресты от тех черт главкократии, которые у них еще есть. Разные тресты живут и будут жить по разному, разным образом обслуживают свои предприятия сырьем, разным образом реализуют продукты на рынке, но каждое предприятие должно быть связано с

трестом эластичной пружиной, а не жесткой. Каждое предприятие должно иметь свою собственную калькуляцию и свой собственный баланс,—не бюрократическую отчетность только, но баланс, который показывает, как данное предприятие в данных условиях живет, как оно дышет, сколько оно поглощает всяких питательных веществ, сколько оно дает продуктов и сколько дает отбросов. Только при такой самопроверке каждого предприятия в отдельности возможна действительно правильная и рациональная постановка хозяйства треста и всей промышленности в целом. В промышленности, как и в финансах, нужно окончательно прекратить политику езды с потушенным фонарем. Если государственный бюджет не выдерживает расходов, если назначено тебе, предприятию, 100 миллионов рублей, а я, государство, не могу дать во время 100 милл. рублей и задержу 100 милл. на месяц и затем дам тебе 100 милл., которые будут означать 25 милл., то-есть сломаю свой рубль, превратив его в четвертак, но не заметно, исподтишка, это и есть езда с потушенным фонарем: так как очень неприятно спускаться от 100 милл. к 25, то давайте потушим фонарь, чтобы не видели спуска... Нет, говорим мы, спускаться с потушенным фонарем не годится. И в смете отдельного предприятия и треста то же самое: лучше меньше, да тверже! Сократить работающую промышленность, но поставить на твердый базис. Нужно нам сообща и твердо заканчивать со старыми приемами, с партизанским подходом, с импровизациями в основных вопросах хозяйства, нужно учиться подходить к нему в плановом порядке, заглядывая далеко вперед. А для этого нужны ярко зажженные фонари калькуляции и отчетности!

БИБЛИОТЕКА ЦК ВКП.(б) ИСТПАРТА

Задачи военной обороны.

И в вопросах обороны страны приходится в основном повторять то же самое. У нас нет в порядке дня с'езда пункта об обороне, но так как я говорю о с'езде в связи со всей сейчас работой Центрального Комитета РКП, то

об обороне я должен сказать сейчас несколько слов, тем более, что и на с'езде этот вопрос будет, вероятно, хоть отчасти затронут в связи с вопросом о промышленности. Три с половиной года мы строили армию от случая к случаю, наспех, сегодня одно, завтра другое, строили криво и косолапо, но победили. Потом полтора-два года мы сокращали армию, построенную очень громоздко и неуклюже,—сокращали таким же путем, тоже от случая к случаю, тут кусок хвоста, тут кусок уха отрежем, потому что наша страна не могла выносить ни одного лишнего дня армию в 5 миллионов душ. Армия была построена на импровизации—и сокращать приходилось тоже с импровизацией. Может, тут не только наша беда была, но и наша вина,—готов признать заранее. Теперь мы подошли к тому, что нужно строить и развивать армию в строго плановом порядке. Это возможно и это необходимо. Раньше мы не знали, что через два месяца будем делать с армией. Будем ли сокращать, или свистнем всероссийским посвистом по всем Губкомам и Укомам: дайте нам коммунаров, дайте нам всадников, дайте нам телеги и проч. и проч. А теперь мы должны строить армию систематически, твердо, по схеме, по крайней мере, на ближайшие пять лет. Нужно создать себе серьезно продуманную программу строительства, применительно к нынешним условиям. Разумеется, программа не может быть идеально слаженной, но основные ее черты должны соответствовать общему состоянию страны, ее сельского хозяйства, развитию ее промышленности. Соответственно программе строится военная смета. Грубо говоря: государство даст на армию столько-то в первом полугодии, на столько-то процентов больше в следующем полугодии и т. д. в известной скромной прогрессии. Разумеется, все может быть нарушено, если наступит неурожай или на нас нападут в ближайшее время,—но даже и в этом случае мы окажемся лучше подготовлены, если будем вести работу по плану. С этим теснейшим образом связан вопрос о военной технике, в частности о военной авиации. Мы говорим: и в отношении армии лучше меньше, но твердо, лучше мень-

ше да лучше, ибо в отношении армии меньше всего можно дольше допускать те дергания, которым мы ее подвергали, то усекая, то наращивая. Военные импровизации обходятся государству несравненно дороже, чем плановое развитие вооруженных сил.

Партия и государственный аппарат.

Перейдем теперь к вопросу первостепенной важности: об отношении между партией и государственным аппаратом. В той же последней статье т. Ленина, которую я не раз называл, Владимир Ильич пишет о госаппарате... и надо прямо сказать, что никто другой не решился бы это сказать такими словами... такими словами, что даже не повторишь так легко (смех). Владимир Ильич пишет про наш государственный аппарат, что он не больше не меньше, как очень близок к царскому аппарату: подмазанный, мол, подкрашенный на советский лад, но если присмотреться, то это тот же старый бюрократический аппарат. Не угодно ли? Это международному меньшевизму поистине пасхальное яичко (смех). Это,—куда „лучше", чем убыточная промышленность! Как же это, однако, понимать? Разумеется, здесь есть особое, ленинское подчеркивание, чтобы крепче вошло это в партию, вбить поглубже, не пожалеть решительных слов, таких, которые иному покажутся оглоблей по черепу. Но этим одним не об'яснишь. Нужно подойти к вопросу поплотнее. Что такое наш государственный аппарат? Что он, с неба к нам свалился? Нет, конечно. Кто его создал? Он вырос на основе Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Кто руководил этими Советами? Коммунистическая партия. Что такое партия, мы знаем хорошо. Что такое Советы—это мы тоже, конечно, знаем. Мы говорили и говорим: Советы—это лучшая форма представительства интересов трудящихся масс. Наша партия—лучшая партия. Она—учитель других партий в Коммунистическом Интернационале. Это обще-признано. И вот из Советов, то-есть лучшего представительства трудящихся

масс, под руководством партии, которая является лучшей партией Коммунистического Интернационала, создался аппарат, который, не к ночи будь сказано... немногим отличается от старого царского аппарата. Отсюда, может быть, какой-нибудь простак, скажем из так называемой „Рабочей Правды“, сделает такой вывод: не взять ли молот,—просто молот без серпа (с м е х) и произвести некоторые механические упражнения над этим аппаратом? Такой вывод был бы, однако, неосновательным, потому что тогда пришлось бы собирать черепки и начинать сначала. Почему? Потому что этот аппарат, который действительно из рук вон плох, все же не свалился нам на плечи, а создан нами же под давлением исторической необходимости из того материала, который у нас был. Кто же виноват? Мы все,—и мы за это отвечаем. Откуда же его „качества“? Да оттуда, что мы не умели и не умеем делать многого, но вынуждены, и часто привлекаем тех, которые умеют, или умеют только на половину, а хотят на четверть, а иногда и вовсе не хотят и делают на минус 100 процентов. В тех операциях, которые мы делаем, часто не отличишь калькуляции от магии, но в аппарате есть не мало таких, которые сознательно выдают магию за калькуляцию. Так вот мы строили государственный аппарат, начиная с молодого, беззаветно отдающего себя, но совершенно неопытного коммуниста, через безразличного делопроизводителя и кончая седовласым спецом, который иной раз в безукоризненной форме занимается саботажем. Что же, мы можем уничтожить это сразу? Отказаться от этого аппарата? Разумеется, нет. В чем же дело? Дело идет о том, чтоб взявши этот плохой аппарат, как данное, приступить к его систематическому преобразованию. Не кое-как и не наспех, а по плану, рассчитанному на долгий период. До сих пор государственный аппарат строился от случая к случаю. Сперва нагромождали, затем сокращали. Когда учреждение сильно разросталось, его урезывали. Если мы чему научились за 5 лет, — замечает в своей статье тов. Ленин,—так это оценивать время, то-есть понимать, как мало сравнительно можно сделать за 5 лет

в смысле замены старого новым. И как систематически нужно, поэтому, подходить к большим задачам.

Это, товарищи, очень важная мысль. Взять власть одно, но перевоспитать людей, воспитать новые методы работы, научить хотя бы такому делу (маленькому, но предполагающему сдвиг всей психологии!) такому маленькому, говорю, делу, что чиновник советский должен внимательно, уважительно относиться к старухе, безграмотной крестьянке, которая пришла в большую высокую залу и озирается кругом и не знает, перед какой чернильницей нужно стукнуть лбом,—а там сидит чинуша, который указывает ей концом пальца на номер такой-то, и она вертится перед номером таким-то в полной беспомощности и уходит из канцелярии без результата. И если бы она сумела формулировать свою мысль, она бы ее формулировала, пожалуй, словами Ленина: то, что было 7 лет тому назад, 8 лет тому назад, то же и теперь: так же ходила она в канцелярию, так же не добивалась толку, потому что ей говорят на непонятном языке непонятные мысли, стремясь не помочь ей, а отделаться от нее. Это, разумеется, не везде, разумеется, не всюду. Но если есть 33% этого, то и это есть страшная щель между государственным аппаратом и трудящимися массами. Я этому кончику большого вопроса недавно посвятил статью, которая была перепечатана в ваших газетах по телефону, но так как, к сожалению, техника советская еще плоха, то я на половину не узнал этой статьи (смех), но мысль в ней такая, какую я вам только что изложил. Товарищи, что означает план т. Ленина, который сейчас уже в партии принят подавляющим большинством? План этот означает подход к плановой перестройке госаппарата. Партия создала государственный аппарат, да, партия его создала, потом посмотрела на него... помните, как в библии: создал бог, посмотрел и сказал, что хорошо (смех), а партия создала, посмотрела и... покачала головой (смех, продолжительные аплодисменты). Так вот после этого молчаливого покачивания головой нашелся человек, который решился назвать построенное по имени и полным голосом.

Но это не голос отчаяния, о, нет! Вывод из положения тот, что если мы пять лет этот неуклюжий, скрипучий и в значительной мере не наш аппарат создавали, то нам придется минимум пять лет его переделывать и перестраивать, чтобы приблизить его к такому аппарату, по поводу которого не придется крепко выражаться... Вот почему я обращаю внимание на эту фразу т. Ленина в скобках. Да, мы теперь впервые научились ценить „емкость“ времени, в которое укладываются наши усилия. Времени нужно много. А раз так, значит дело идет уже не о поправках только,—конечно, мы от случая к случаю будем и дальше поправлять,—но основная задача сводится к систематической плановой перестройке государственного аппарата. Через кого? Через того, кто его создавал, через партию. А для этого-то партии и надо иметь новый, более совершенный орган прощупывания этого аппарата, зонд, не только моральный, но и политический и деловой,—не в плоскости формальной государственной инспекции, которая обнаружила пока что свою полную несостоятельность, а в плоскости партийного проникновения в сущность дела, на выборку, по важнейшим областям работы. Опять таки, какой он будет на первых порах этот орган, как она будет работать эта ЦКК в сочетании с Рабкрином, это дело дальнейшего опыта, и никаких иллюзий насчет быстрых перемен серьезные работники не могут себе делать. Но было бы совершенно низкопробным с нашей стороны, если бы мы сказали, что из этого планового подхода ничего-де не выйдет, „выше лба-де уши не растут“ и т. д. Разумеется, задача труднейшая, но именно поэтому ее нужно решать в плановом порядке, систематически, не от случая к случаю. Именно для этого и нужен авторитетный центральный партийно-советский орган, который умел бы по новому прощупывать государственный аппарат, и с точки зрения его общей целесообразности, и с точки зрения того, как он отвечает простой неграмотной бабе; и это все, может быть, даст нам такой комбинированный орган из Центральной Контрольной Комиссии и РКИ, по принципу подбора лучших работников,

систематического их воспитания, в сочетании с формальными государственными навыками и приемами Рабоче-Крестьянской Инспекции,—того, что у нее есть лучшего, то есть небольшого ядра. Этот опыт нужно сделать, и мы его сделаем.

Руководящая роль партии.

Товарищи, вопрос о госаппарате теснейшим образом связан с ролью нашей партии, как и все основные вопросы, которых я касался. Если есть у нас вопрос, который в основе своей не только не нуждается в пересмотре, но не допускает и мысли о пересмотре, так это вопрос о диктатуре партии и о ее руководстве во всех областях нашей работы. Вчера мы имели здесь очень яркую демонстрацию беспартийных в пользу этой диктатуры и этого руководства. И вместе с тем мы снова подписали вчера очень большой вексель, говоря языком НЭП'а. Вчерашняя демонстрация беспартийных знаменует громадные изменения в настроении украинских рабочих масс,—и это есть самое важное, самое ценное завоевание последних двух лет,—но она есть также знак того, что рабочий класс, подойдя к нам плотнее, будет внимательнее следить за нашей работой, что он требует от нас возрастающей прибыльности или понижения убыточности наших государственных предприятий, уменья наладить рынок, смычку в подлинном, т.-е. хозяйственном смысле, между городом и деревней и проч. и проч., уменья систематически уравнивать заработную плату в различных отраслях промышленности и т. д. И здесь, товарищи, повторяю, мы подписали большой вексель, в особенности в отношении заработной платы, т.-е. вопроса, который живее и острее всего захватывает рабочую массу. Особенно важно, чтобы в этой области фонарь горел ярко, дабы рабочая масса видела пределы тех требований, которые могут быть удовлетворены при нынешнем положении хозяйства. Вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства нам никогда нельзя терять из виду, когда партия говорит с

беспартийными рабочими, потому что если где меньшевистская демагогия, которая в самом махновском виде кое-где у вас оживает, может иметь успех, так это в противопоставлении рабочих крестьянам на почве заработной платы—для того, чтобы тем вернее вогнать затем клин между беспартийными рабочими и партийным авангардом. Одна из причин тяги беспартийных к партии—некоторое улучшение материального положения: легче дышать, заработная плата повысилась. В тяжелой промышленности, в транспорте она еще очень отстает. Откуда она поступает? Не столько с рынка, сколько из бюджета. Таким образом мы здесь опять и опять подходим к основному соотношению классов в советском обществе, и, во избежание недоразумений в дальнейшем, особенно важно раз'яснить это соотношение беспартийным, дабы в этом основном вопросе они мыслили заодно с партией и не поддавались демагогии. Беспартийные тянут именно к партии, а не к советскому государству, как таковому. Это очень важное обстоятельство. Сменовеховское мещанство переходит на советскую платформу, считая, что коммунизм—утопия и только „мешает" настоящей государственной работе. Рабочая же масса, наоборот, тяготеет именно к коммунистической партии и с советским аппаратом, в нынешнем его виде, мирится постольку, поскольку надеется, что коммунистическая партия в дальнейшем его исправит. В этом гвоздь вопроса. Может ли в этих условиях партия допустить мысль о перемене ее основной роли, как руководительницы всей работы и прежде всего всей государственной работы? Партия наша есть правящая партия, которая доверием пролетариата и—в общем и целом—доверием крестьянских масс держит в своих руках руль государственного строительства. Это факт основной. В этой области допустить какие бы то ни было перемены, допустить мысль о частичной, прямой или замаскированной урезке руководящей роли нашей партии значило бы поставить под знак вопроса все завоевания революции и ее будущее. Кто, товарищи, на это покусился бы, того мы, надеюсь, единогласно поставили бы по ту

сторону баррикады. Неизвестно, что еще ждет нас впереди. Только учет опыта этих пяти лет в целом, не только этой очень отрадной демонстрации вчера,—братания беспартийных с партией—но и опыта трагической кронштадтской демонстрации в феврале 21 года, когда кронштадтские орудия палили против нас—только сочетание всех этих фактов в правильной исторической перспективе может показать и даст понять, что такое партия, какова ее роль, как и почему она выдержала то, что было вчера, пришла к сегодняшнему и доведет до большего и лучшего. Этот вопрос основной, и в нем партия единодушна. И вот почему я только мимоходом и в скобках упомяну о том, что, когда появилась платформа, которая вошла в обиход партии под названием „анонимной", платформа, которая в дипломатической форме и уклончиво ставила вопрос о ликвидации партийного руководства, то не нашлось в партии ни в одной из бывших группировок ее ни одного товарища, который сказал бы, что он несет хотя бы часть ответственности за эту платформу. Вы знаете из „Дискуссионного листка", что делались определенные указания на то, что эта платформа имеет связь с идеями бывшей группы демократического централизма, но все принадлежавшие ранее к этой группе товарищи заявили, что с этой платформой не имеют ничего общего и считают ее глубоко вредной. Если партия так реагировала на нее, то можно сказать с уверенностью, что по этой линии на XII С'езде разногласий не будет. И если вопрос о руководстве партии стоит у нас—в связи с другими вопросами и в особенности с предложением т. Ленина—в порядке дня, то в том смысле, как улучшить руководство партии, придавая ему все более систематический и плановый характер. Ибо ни один серьезный член партии не скажет, что в области партруководства мы достигли совершенных и неизменных форм, и что при усложнении и неизбежном дроблении всей нашей работы партии не грозит опасность раствориться в этой работе и перестать из-за деревьев видеть лес...

До сих пор мы строили от случая к случаю, прове-

ряли от случая к случаю, руководили от случая к случаю во всех областях: в общем это отвечало характеру истекшего пятилетия и с основной задачей мы справились. Теперь во всех областях мы должны все больше и больше переходить к систематической и плановой работе по большим замыслам и по продуманным чертежам. Стало быть, и руководство нашей партии должно получить более сложный характер и должно проводиться более систематическими методами. Создание ЦКК, органа для проверки государственного аппарата,—это и есть одно из средств более систематической информации, более систематического осведомления, более планового обозрения со стороны руководящей партии всего того, что совершается и в основном советском аппарате, и под ним в массах, и во всей партии в целом,—для того, чтобы на основе более законченной и систематической информации, мероприятия партийного руководства получили более плановой характер, расчитанный на длительную упорную работу. Госаппарат плох, говорим мы,—и очень плох. Должны ли мы разбить государственный аппарат молотком?—спрошу я. Конечно, не должны и не собираемся. Но если бы разбили, создали бы вновь; могли бы создать вновь—потому что есть партия. Партия создала государственный аппарат и может воссоздать его вновь, если есть партия. А если будет государственный аппарат и не будет партии, то государственный аппарат партии не создаст. Это основная мысль. Из партии государство получишь, из государства партии—никогда. Но сама партия должна поставить себе теперь задачей: по иному подойти к государственному аппарату, охватить и оценить его в целом, в важнейшем, в основном,—и по этим линиям подвергнуть его систематическому воздействию.

Партия должна все более настойчиво требовать и добиваться от государства, от всех его органов, чтобы они поучились работать в рамках плана и системы, план строить, загадывая вперед, а не от случая к случаю, чтобы они научились работников воспитывать в рамках этого плана, систематически обогащая их опыт и по линии со-

ветской, специальной, и по линии партийной,—чтобы мы, для обновления всего государственного аппарата, научились—по госаппарату в целом, и по ведомствам в отдельности—под руководством партии строить систему партийно-советских учебных заведений, где бы воспитывались новые поколения советских рабоче-крестьянских спецов, техников, работников всех областей, которые бы вростали в нашу систему снизу, которым не пришлось бы на неграмотную крестьянку смотреть сверху вниз, которые действительно воплощали бы в себе потребности, настроения и цели этого рабоче-крестьянского государства . . . В этом смысле руководящая роль партии должна подняться на более высокую ступень.

Национальный вопрос.

Товарищи, я должен теперь обратиться к вопросу, который имеет специальную важность для Украины,—это вопрос национальный. Я упомянул уже, что в постановке этого вопроса инициатива принадлежит Владимиру Ильичу. Накануне своего заболевания он бил по этому вопросу тревогу, опасаясь, как бы в этом вопросе, как и в вопросе о крестьянстве, не были совершены тяжкие ошибки. И я очень остро почувствовал возможность таких ошибок, когда прочитал корреспонденцию о Луганской уездной конференции, где говорилось: «т. Раковский сделал доклад по национальному вопросу, но этот доклад застал нас неподготовленными и прений не было». Кажется, в той же корреспонденции, а может и в другой, (в «Коммунисте» или «Пролетарии»), я нашел указание на то, что многие т.т. недоумевали, почему это снова поднят национальный вопрос. Они считают, что этот вопрос для них «решен». Должен сказать, что такое же настроение я нередко встречаю не только на Украине, но и на севере, в Великороссии, в частности в Москве, где некоторые т.т. недоумевали, с чего это мы теперь, на 6-ом году существования рабоче-крестьянского, советского и проч. проч. государства, где все нации равны, вдруг

ставим в порядок дня с'езда национальный вопрос. Ведь мы его давно «разрешили»! Украина—она независима. Грузия, Азербейджан, Армения—самостоятельные республики и пр. Чего же еще? Конечно, товарищи, не национальный вопрос наша основная цель. Цель наша—это коммунизм. Социальный, а не национальный вопрос—основа, на которой мы стоим. Но ведь и не крестьянское хозяйство есть цель наша, а социалистическое централизованное производство, высокая техника и пр. Однако же, крестьянское хозяйство—есть факт, не программа, не цель, но факт, и факт во много, много миллионов, десятков и сотен миллионов десятин, дворов и голов, и невнимательное отношение к этому основному факту опрокинуло бы вверх тормашками всю нашу программу. С национальным вопросом то же самое. Эти два вопроса: крестьянский и национальный очень близко друг от друга стоят. Они отражают, в общем и целом, одну и ту же эпоху. Конечно, мы провозгласили устранение национального рабства, неравенства и проч. Конечно, мы провозгласили право каждой национальности устраиваться по своему, вплоть до отделения от государства, поставивши, разумеется, над этим правом—наш долг, революционного самоохранения. Там, где та или другая национальная группа связывает свою судьбу не с рабочим классом, а с империализмом для борьбы против рабочего класса, там закон классовой войны (как было по отношению к меньшевистской Грузии) становится над всеми другими законами, но когда задача обороны революции разрешается, мы говорим крестьянам, мещанам, отсталым рабочим данной национальности: по национальной линии, товарищи, у нас с вами разногласий не будет. Мы не только вам «разрешим», как иногда неуместно выражаются—нет, мы вам поможем устроиться так, как вам в национальном смысле лучше и удобнее всего. Мы вам через посредство вашего языка поможем приобщиться к наилучшим достижениям человеческой культуры, ибо в этом-то и состоит существо дела. Не в том, что мы провозгласили «устраивайся, как хочешь», потому что крестьянин

беспомощен, особенно крестьянин отсталый, принадлежащий к малой нации, которая раньше нещадно угнеталась. Он беспомощен, и когда он видит над собой государственный аппарат, хотя бы и рабоче-крестьянский, но невнимательный к нему, к его национальным особенностям, к его языку, к его отсталости,—он чувствует себя вдвойне беспомощным.

Отчужденность правящей партии и госаппарата от основной массы населения в отношении языка есть очень опасная отчужденность. Нельзя легко относиться к такой политической „смычке", как национальный язык, обиходная человеческая речь. Этот вопрос важен для всего нашего союза и десятикратно важен для Украины. В письме т. Раковского к Донецкой губернской конференции я нашел мысль, которая мне представляется исключительно важной: она сочетает вопрос крестьянский с вопросом национальным. Если бы произошел разрыв между пролетариатом и крестьянством; если бы буржуазии удалось в лице своих политических приказчиков—эсеро-меньшевиков, или иных, более решительных и твердых стать во главе крестьянства, это означало бы — писал недавно т. Ленин—гражданскую войну, гражданская война по этой линии, до победы пролетариата на Западе, прибавим мы представляла бы для нас сомнительный исход. Но если товарищи, опасно недоразумение между пролетариатом и крестьянством вообще, то оно во сто крат опаснее, когда крестьянство не принадлежит к той национальности, которая была в старой монархической России господствующей национальностью, то-есть когда крестьянство, да еще украинское, да еще грузинское, азербейджанское, или армянское, т.-е. крестьянство, которое всегда видело в государственном аппарате не только находившуюся над ним власть другого класса, но также власть национального угнетателя, причем оборонительный национализм толкал крестьянство в сторону своей национальной буржуазии. Здесь, на Украине,—я возвращаюсь к письму т. Раковского,—где партия в большинстве состоит из городских рабочих и вообще горожан, с примесью только крестьянства,

где городской рабочий в значительной части своей неукраинский рабочий, причем национальный состав партии имеет, разумеется, определенное влияние на состав украинского советского аппарата,—уже в этом одном обстоятельстве несомненно заложена если не опасность, то серьезнейшая задача, которую нельзя не видеть, над разрешением которой нужно работать. Нужна не только хозяйственная смычка с крестьянским рынком, не только общая политическая смычка пролетариата и крестьянства, а нужно подумать и крепко подумать о национальной смычке: языке, школе, культуре. Ибо, товарищи, недовольство крестьянства, если бы оно возникло на той или другой почве,—а оно может и будет возникать, трения неизбежны,—недовольство это будет во сто крат опаснее, когда оно получит окраску национальной идеологии. Национальная идеология есть фактор огромного значения. Национальная психология это взрывчатая сила, которая в одних случаях является революционной, в других контр-революционной, но в обоих случаях это огромная взрывчатая сила. Вспомним, как этим динамитом воспользовалась буржуазия во время войн, когда она мобилизовала пролетариат для защиты так называемых „национальных" интересов. Дьявольский был опыт и он удался—против нас. Буржуазия сумела использовать взрывчатую силу национализма в империалистских целях.

А вот на Востоке, в Индии, в Китае сотни миллионов поднялись в национальном движении, направленном против империализма. Национальная борьба Востока—огромная взрывчатая сила, революционный динамит с колоссальным коэффициентом. Уметь его использовать—это задача европейского пролетариата. У нас, товарищи, в нашем строительстве национальный момент есть потенциальная сила, она может оказаться направленной и в ту и в другую сторону. Если мы не сумеем подойти к крестьянству, изучить крестьянина, его психологию, его язык, мы можем его толкнуть на вторую петлюровщину, а вторая петлюровщина была бы более органической, глубокой и опасной. Эта вторая петлюровщина

была бы вооружена культурным планом — в школе, в кооперативе, во всех областях быта, и украинский крестьянин каждое недовольство помножал бы на национальный фактор, и это было бы опаснее петлюровского бандитизма. Но если украинское крестьянство почувствует и поймет, что коммунистическая партия и советская власть в области национального вопроса подходит к нему с полным вниманием и пониманием, говоря: „мы даем тебе все, что можем дать, мы тебе, отсталому брату хотим помочь, построить с тобой вместе все мостки, все ступени, по которым ты будешь подниматься вверх, мы хотим в меру наших сил пойти тебе навстречу, помочь тебе приобщиться на том языке, который является твоим родным языком, к благам человеческой культуры. Во всех учреждениях государственных, на железной дороге, на почте, тебя должны понимать на твоем языке, говорить с тобой на твоем языке, ибо это—твое государство". Такой подход крестьянин поймет и оценит. Если мы не можем ему дать хорошо оборудованных трехэтажных школ, ибо бедны, то мы обязаны создать такие школы, где его сыновья научатся писать, читать на языке, понятном отцу и матери. Если же этого не сделаем, крестьянство все виды своего недовольства будет помножать на национальный коэффициент, и это будет грозить ликвидацией советского режима. Мы должны понять, что мы национального вопроса не разрешили, как мы еще не разрешили ни одного хозяйственного или культурного вопроса. Мы создали только революционные предпосылки для разрешения национального вопроса. Мы разрушили царскую каторгу народов, тюрьму национальностей. Но мало провозглашения национального равноправия, нужно на деле показать угнетенному, а у него ведь недоверия много—что мы с ним, что мы за него, что мы обслуживаем его национальные интересы не общими фразами, а делом, работой. Говорят: недосол на столе—пересол на спине. В этом вопросе нужно сказать наоборот: пересол внимания и осторожности это ничего, а недосол в национальном вопросе тяжко отразится на спине партии. Вот почему мы поставили националь-

ный вопрос в порядке дня с'езда. Подобно всем другим вопросам, мы и этот вопрос поставили не только в принципиальной плоскости, но и вполне конкретно, применительно к данному этапу социалистического строительства. Какое организационное выражение дать национальным потребностям в государственной структуре? К этому вопросу отношение Федерации было неопределенное. Здесь мы находились в истекшие годы целиком под влиянием той сихологии, что этот этап протянется недолго, и как в петровскую эпоху старообрядцы говорили: „на что нам твердые дома, ждем пришествия Христова", так и мы до известной степени не склонны были заниматься прочным строительством, ожидая быстрого развития революции. Потом наступил НЭП, затем оказалось, что НЭП затягивается, и мы сказали себе, что нужно переходить, если не к каменным домам—до этого далеко!—то во всяком случае к более прочной, хотя бы и временной оседлости, и выражением этого сознания является нынешняя государственная постановка национального вопроса. Мы начали с создания Союза советских республик, причем, создавши его, уперлись в тот факт, что такого организованного аппарата, при помощи которого государственный Союз и руководящая партия могли бы правильно прощупывать конкретные интересы и потребности отдельных наций, как таковых, мы не предусмотрели. Отсюда мысль об особой национальной палате советской, которая на первых порах многих товарищей шокировала. Признаюсь, и мне в начале не очень понравилось. Самое слово „вторая палата" по воспоминаниям из старых учебников государственного права казалось неприятным. Но дело совсем не в этом, а в том, что и к национальному вопросу нужно подойти систематически, организационно, в плановом порядке. Тут есть, если хотите, известная аналогия с ЦКК. Что такое ЦКК? Конечно, это не панацея, не спасительное средство, смешно было бы думать, что создали орган, который все сможет разрешить. Нет, но это новый орган, более правильно и систематически проверяющий, что делается в нашем государственном аппарате, в партии

и в рабочем классе, и тем облегчающий возможность правильного разрешения задач. А что такое национальная палата? Это особый орган для того, чтобы более систематически, планомерно прощупать, где какой национальный мозоль болит, как реагирует на ту или другую меру данная национальная группа и пр. и пр. Разумеется, общее руководство в национальной политике остается целиком и полностью в руках нашей партии. Но партия сама все эти вопросы решает ведь не из себя, не путем одного лишь внутреннего усилия партийной мысли; ей нужно организованное соприкосновение с конкретными задачами и условиями. Для решения старых задач партия нуждается и в области национального вопроса в новых более сложных, более совершенных органах и в более систематических плановых методах.

Положение внутри партии.

Мировая обстановка не дает повода для перемены основ нашей политики. Внутренняя обстановка опирается на обстановку мировую. Главная определяющая линия в области хозяйственной и политической — это линия взаимоотношений рабочего класса и крестьянства. Основную задачу переходного периода — обеспечить союзные отношения с крестьянством—нужно решать отныне более систематическими, плановыми методами, рассчитанными на более длительный период, и в области промышленности, и в области налоговой, и в области госаппарата, и в области национальной, которая у нас означает прежде всего вопрос о взаимоотношениях между пролетарским авангардом и крестьянскими массами угнетавшихся ранее национальностей. Вся эта работа может выполняться со все возрастающим успехом, если мы будем улучшать наш государственный и в частности хозяйственный аппарат, но уже не частично, не кустарнически (этого недостаточно), а по широко задуманному плану, рассчитанному на ряд лет. Улучшать государственный аппарат нельзя только изнутри самого государственного аппарата. Улучшать его

можно в первую голову через посредство правящей партии. Наша партия этим государственным аппаратом руководила первые пять лет, будет руководить и впредь со всей полнотой. Но она будет им руководить все более систематически, в соответствии с усложненными задачами, совершенствуя и упорядочивая методы своего собственного руководства и требуя такого же широкого планового упорядочения методов и подбора работников от самого государственного аппарата.

Товарищи! Эта настойчивая передвижка нашей работы на рельсы системы и плана будет успешна, если основная политическая предпосылка, основное условие будут на лицо. А предпосылка всех предпосылок и условие всех условий есть наша партия, ее ясная мысль, ее закаленная воля, ее единство, ее боеспособность. Единство не на почве простого тревожного сгруживания в минуту опасности—этого одного, конечно, недостаточно,—а единство, какое характеризовало нашу партию всегда, единство на почве коллективного мужества, твердости, беспощадной оценки всех опасностей и предвидения основных задач. Раз эпоха НЭП'а грозит стать более длительной, тем самым и все опасности, в ней заложенные, принимают более затяжной и угрожающий характер. Опасности эти мы знаем, мы их анализировали не раз, они вытекают из рыночных отношений, которые порождают из себя потоки центробежных сил, способных отрывать, расхищать государственный аппарат по линии интересов частного капитала, вклинивать в него НЭП'овскую буржуазию, ее интересы, ее идеи, расхищать государственную промышленность, спуская ее незаметно по каналам частного обращения в интересах частного накопления. А нам нужно первоначальное социалистическое накопление, хотя бы медленное, но верное. Эти же центробежные потоки омывают и нашу партию и, разумеется, не могут не оказывать при затяжном развитии и на нее своего влияния. Тот факт, что партия революционно чутка, тверда и единодушна сейчас, в этом не может быть никаких сомнений. Мы видели, как она реагировала на те две платфор-

мы („анонимную“ и „Рабочей Правды“), в которых делалась попытка пересмотра вопроса о руководстве партии. За этот год партия в своем морально-политическом самочувствии и сознании не ослабела, а окрепла, — и это немудрено, потому что она очистилась от чужеродных элементов и пополнилась пролетарскими элементами. По этому пути рост партии пойдет и впредь. С тех жестких условий, которые мы, в условиях НЭП'а, поставили для вступления в партию, большую скидку партия может дать и даст рабочим у станка. И вчерашняя демонстрация показала, что эта скидка, разумеется, в разумных пределах, под серьезным контролем будет вполне оправдана. Изменение соотношения внутренних элементов партии, все больший и больший перевес чисто пролетарских элементов, рабочих у станка, есть основная гарантия устойчивости и силы сопротивления партии против всяких вредных влияний. Вторым условием стойкости партии является ее растущее влияние на молодежь. Борьба за молодежь, за ту арену, на которую пытаются вступить худшие наши враги—меньшевики, должна вестись неослабно. В ближайший период рекогносцировка и, так сказать, вредительный политический шпионаж со стороны контр-революции может производиться лучше всего через меньшевиков, на почве вопроса заработной платы, на почве борьбы за молодежь. И намеки на это мы имеем уже сейчас. И в этой борьбе российского и украинского меньшевизма, опирающегося на меньшевизм мировой, мы видим, как меньшевизм мартовской окраски подает руку открыто—контр-революционному меньшевизму, тому, который стоял за интервенцию, за вооруженные восстания, который ныне представлен заграничным журнальчиком „Заря“, а в России переплетался с колчаковской и деникинской контр-революцией. Не исключается возможность, что нам в этом ближайшем году придется вести борьбу против пытающегося поднять голову меньшевизма, более, так сказать, „плановым“ порядком, и что отнюдь не значит—более мягким порядком (смех, аплодисменты). В успешности этой борьбы сомнения быть не может...

Товарищи, в отношении ясности мысли и твердости воли нашей партии мы имели некоторую дополнительную проверку за этот год. Проверка была тяжела, потому что она была дана фактом, который и сейчас тяготеет над сознанием всех членов партии и широчайших кругов трудящегося населения, вернее сказать, над всем трудящимся населением нашей страны, а, в значительной части, всего мира. Я говорю о болезни Владимира Ильича. Когда последовало ухудшение в начале марта, и Политбюро ЦК собралось обменяться мнениями о том, что нужно довести до сведения партии, до сведения страны об ухудшении в здоровьи т. Ленина, то, товарищи, я думаю, что вы все отдадите себе отчет, в каком настроении проходило заседание Политбюро, когда мы должны были преподнести партии и стране этот первый тяжкий, тревожный бюллетень. Разумеется, и в такую минуту мы оставались политиками. Никто в этом не сделает нам упрека. Мы думали не только о здоровьи т. Ленина,—конечно, в первую голову мы были заняты в те минуты его пульсом, его сердцем, его температурой,—но мы думали так же о том, какое впечатление это число ударов его сердца произведет на политический пульс рабочего класса и нашей партии. С тревогой и, вместе с тем, с глубочайшей верой в силы партии, мы сказали, что нужно в первый же момент обнаружения опасности поставить о ней в известность партию и страну. Никто не сомневался, что наши враги постараются использовать это известие для того, чтобы смутить население, особенно крестьян, пустить тревожные слухи и пр., но никто из нас ни на секунду не сомневался в том, что нужно немедленно сказать партии, как обстоит дело, потому что сказать, что есть—значит повысить ответственность каждого члена партии. Партия наша—большая, полумиллионная партия, большой коллектив, с большим опытом, но в этом полумиллионе людей Ленин занимает свое место, которое, товарищи, ни с чем несравнимо. Нет и не было в историческом прошлом влияния одного лица на судьбы не только одной страны, но на судьбы человечества, не было такого масштаба, не создан он,

чтобы позволил нам измерить историческое значение Ленина. И вот почему факт, что он отошел длительно от работы, и что положение его тяжко, не мог не внушать глубокой политической тревоги. Конечно, конечно, конечно, мы знаем твердо, что рабочий класс победит. Мы поем: „никто не даст нам избавленья“—в том числе и „ни герой...“ И это верно, но лишь в последнем историческом счете, т.-е. в конечном счете истории рабочий класс победил бы, если бы на свете не было Маркса, если бы на свете не было Ульянова-Ленина. Рабочий класс вырабатывал бы те идеи, которые ему нужны, те методы, которые ему необходимы, но медленнее. То обстоятельство, что рабочий класс на двух хребтах своего потока поднял такие две фигуры, как Маркс и Ленин, является колоссальным плюсом революции. Маркс—пророк со скрижалями, а Ленин—величайший выполнитель заветов, научающий не пролетарскую аристократию, как Маркс, а классы, народы, на опыте, в тягчайшей обстановке, действуя, маневрируя и побеждая. Этот год в практической работе нам пришлось провести лишь при частичном участии Владимира Ильича. В идейной области, мы от него услышали недавно несколько напоминаний и указаний, которых хватит на ряд лет,—по вопросу о крестьянстве, о государственном аппарате и по национальному... И вот нужно было сообщить об ухудшении здоровья. Мы спрашивали себя с естественной тревогой, какие выводы сделает беспартийная масса, крестьянин, красноармеец, ибо крестьянин в нашем государственном аппарате верит в первую голову Ленину. Помимо всего прочего Ильич есть великий нравственный капитал госаппарата во взаимоотношениях между рабочим классом и крестьянством. Не подумает ли крестьянин—спрашивали себя иные в нашей среде—что, с длительным отстранением от работ Ленина, переменится его политика? Как же реагировала партия, рабочая масса, страна?... После того, как появились первые тревожные бюллетени, партия в целом сомкнулась, подтянулась, нравственно приподнялась. Конечно, товарищи, партия состоит из живых людей, у людей есть не-

достатки, недочеты, и у коммунистов в том числе есть много „человеческого, слишком человеческого“, как говорят немцы, есть групповые и личные столкновения, серьезные и мелочные, есть и будут, ибо без этого большая партия жить не может. Но нравственный вес, политический удельный вес партии определяется тем, что всплывает—при такого рода трагической встряске—наверх: воля к единству, дисциплина или же второстепенное и личное, человеческое, слишком человеческое? И вот, товарищи, я думаю, что этот вывод мы можем теперь уже сделать с полной уверенностью: почувствовав, что она на длительный период лишилась руководства Ленина, партия сомкнулась, отмела все, что могло бы угрожать опасностью ясности ее мысли, единству ее воли, ее боеспособности.

Перед тем, как сесть в вагон для поездки сюда, в Харьков, я разговаривал с нашим московским командующим, Ник. Иван. Мураловым, которого многие из вас знают, как старого партийца, о том, как воспринимает красноармеец положение в связи с болезнью Ленина; Муралов мне сказал: в первый момент весть подействовала, как удар молнии, все откинулись, а затем задумались больше и глубже о Ленине... Да, товарищи, беспартийный красноармеец задумался теперь по-своему, но очень глубоко о роли личности в истории, о том, что мы, люди старшего поколения, когда были гимназистиками, студентиками или молодыми рабочими изучали по книжкам, в тюрьмах, на каторге, в ссылке, размышляли и спорили об отношении „героя“ и „толпы“, суб‘ективного фактора и об‘ективных условий и пр. и пр.

И вот ныне, в 1923 г., наш молодой красноармеец конкретно задумался об этих вопросах сотнями тысяч умов, а с ним вместе задумался всероссийский, всеукраинский и всякий иной крестьянин сотней миллионов умов о роли личности Ленина в истории. А как же отвечают наши политруки, наши комиссары, секретари ячеек? Они отвечают так: Ленин—гений, гений рождается раз в века, а гениев—вождей рабочего класса, их два только насчитывает мировая история: Маркс и Ленин. Создать гения

нельзя даже и по постановлению могущественнейшей и дисциплинированной партии, но попытаться в наивысшей мере, какая достижима, заменить его во время его отсутствия можно: удвоением коллективных усилий. Вот теория личности и класса, которую в популярной форме наши политруки излагают беспартийному красноармейцу. И это правильная теория: Ленин сейчас не работает,—мы должны работать вдвое дружнее, глядеть на опасности вдвое зорче, предохранить от них революцию вдвое настойчивее, использовать возможности строительства вдвое упорнее. И мы это сделаем все: от членов ЦК до беспартийного красноармейца...

Работа у нас, товарищи, очень медлительная, очень частичная, хотя бы и в рамках большого плана, методы работы „прозаические": баланс и калькуляция, продналог и экспорт хлеба—все это мы делаем шаг за шагом, кирпичик к кирпичику... нет ли тут опасности крохоборческого перерождения партии? А подобного перерождения мы также не можем допустить, как и нарушения ее действенного единства, хотя бы в малейшей степени, ибо, если даже нынешний период затянется еще „всерьез и надолго, то ведь не навсегда". А может быть даже и не надолго. Революционная вспышка широкого масштаба, как начало европейской революции, может явиться раньше, чем многие из нас теперь думают. И если мы из многих стратегических поучений Ленина что должны особенно твердо помнить, так это то, что он называет политикой крутых поворотов: сегодня на баррикады, а завтра—в хлев 3-й государственной Думы, сегодня призыв к мировой революции, к мировому октябрю, а завтра - на переговоры с Кюльманом и Черниным, подписывать похабный Брест-Литовский мир. Обстановка переменилась, или мы по новому учли ее—поход на Запад, „даешь Варшаву". Обстановку переучли,—Рижский мир, тоже довольно похабный мир, как вы знаете... А затем—упорная работа, кирпичик к кирпичику, экономия, сокращение штатов, проверка: нужно ли пять телефонисток или три, если достаточно трех, не смей сажать пять, ибо мужику придется

дать несколько лишних пудов хлеба,—мелкая повседневная крохоборческая работа,—а там, глядь, из Рура полыхнет пламя революции; что же, оно застигнет нас перерродившимися? Нет, товарищи, нет. Мы не перерождаемся, мы меняем методы и приемы, но революционное сохранение партии остается для нас превыше всего. Балансу учимся и в то же время на Запад и на Восток глядим зорким глазом, и врасплох нас события не застанут. Путем самоочищения и расширения пролетарской базы укрепляем себя. Идем на соглашательство с крестьянством и с мещанством, допускаем нэпманов, но в партию нэпманства и мещанства не пустим, нет,—серной кислотой и каленым железом выжжем его из партии (аплодисменты) и на XII-м с'езде, который будет первым с'ездом после октября без Владимира Ильича, и вообще одним из немногих с'ездов в истории нашей партии без него, мы скажем друг другу, что к числу основных заповедей мы в наше сознание острым резцом впишем, врежем: не окостеневай, помни искусство крутых поворотов, маневрируй, но не растворяйся, входи в соглашения с временным или длительным союзником, но не позволяй ему вклиниться внутрь партии, оставайся самим собой, авангардом мировой революции. И если раздастся с Запада набат,—а он раздастся—то хоть мы и будем по сю пору, по грудь, погружены в калькуляцию, в баланс и в НЭП, мы откликнемся без колебания и без промедления: мы—революционеры с головы до ног, мы ими были, ими остаемся, ими пребудем до конца (бурные аплодисменты, все стоя аплодируют).

МЫСЛИ О ПАРТИИ.

I

25 лет прошли как-то очень уж скоро. А между тем, четверть столетия—срок не малый... Инициаторы 1-го с'езда партии, насколько знаю, собирались пригласить на него и нашу николаевскую организацию, но колебались: очень мы, николаевцы, были молоды. Но вопрос разрешился сам собою: в январе 1897 года николаевская организация была разгромлена почти начисто, а с'езд собрался в марте. Мы об нем узнали уже в одесской тюрьме в мае: новость передавали криком из окошка в окошко. И вот, прошло 25 лет, да каких! Войны, революции, потрясения, каких не бывало еще в человеческой истории. И хотя кажется, что 97-й год был вчера, но как трудно в то же время охватить это 25-летнее прошлое, более богатое содержанием, чем предшествующие тысячелетия. Не лучше ли поразмыслить о будущем?

Первая мысль—о молодежи, ибо она и есть будущее. Ныне руководящее в партии поколение воплощает в себе неоценимый опыт истекшего 25-летия, а наша революционная молодежь есть вулканический продукт октябрьского извержения. Ни европейская, ни тем более мировая революция, как бы скоро она ни началась, не завершится на глазах старшего поколения. Тем серьезнее, тем глубже вопрос о воспитании смены, которой предстоит доводить работу до конца.

В Европе молодое поколение пролетариата, пробужденное русской революцией, продолжает жить в условиях капиталистического режима. Сочетание этих условий: революционный пример России и могущественный гнет им-

периализма придают молодому поколению европейского пролетариата революционный закал, которого так нехватало в эпоху империалистской войны.

Условия развития нашей молодежи глубоко отличны. Она выросла или выростает в обстановке победоносной революции, которой не удалось сломить и не удастся. Для нашей молодежи революция уже не цель, а быт. Нет ли в этом новых опасностей? В своем практическом осуществлении революция как бы „разменялась“ на частные задачи: надо починить мосты, учить грамоте, понижать себестоимость сапога на советской фабрике, бороться с грязью, ловить мошенников, проводить электрические провода в деревню и пр., и пр. Некоторые интеллигентские пошляки, из тех, у которых мозги набекрень (они считают себя по сей причине поэтами или философами) уже заговорили о революции тоном великолепнейшего снисхождения: учится, мол, торговать (хи-хи) и пришивать пуговицы (хе-хе). Но представим пустобрехам брехать в пустоте. Сами же поставим вопрос критически: нет ли действительной опасности того, что молодежь наша незаметно сложится и окостенеет в атмосфере советских „малых дел“,—без революционных перспектив, без широкого исторического горизонта—и в один злосчастный день обнаружится, что мы с ней говорим на разных языках? Отрицать эту опасность начисто не приходится. Но тем условиям, которые порождают ее, противостоят другие, никак не менее могущественные условия, и прежде всего, международное положение нашей страны, а следовательно, и нашей партии. От разрешенной нами большой задачи, завоевания власти, мы перешли к „малым“ задачам не сразу, а через долгую гражданскую войну, и не навсегда, а только на известный период, который мы привыкли называть передышкой. Об этом свидетельствует, прежде всего, самый факт существования Красной армии. Не мы одни живем на свете. Мы всего лишь крайний левый фланг очень большого и извилистого фронта, проходящего по всем пяти частям света. Тот отряд неприятельских сил, который непосредственно противостоял нам, мы

за эти годы основательно сокрушили: „всерьез и надолго“. Но во всем мире еще идет борьба. И она в любой момент может перекинуться на нашу территорию, или наша прямая помощь может потребоваться—во имя нашего же самосохранения—на других участках. Понимание этого международного характера наших задач должно составлять стержень воспитания нашей молодежи. Если мы переживаем внутри как бы полосу малых дел, то Красная армия есть наиболее зримое звено, соединяющее нас с еще неразрешенными революционными задачами мирового масштаба. Поэтому отношение молодежи к Красной армии по существу выражает ее практическое отношение к революции, как к героическому подвигу. Мы видели вчера это отношение на примере Красного флота, завтра увидим на примере авиации. С другой стороны, то, что иногда называют демобилизационным настроением, есть по существу ликвидаторское настроение. Практическую революционную школу, какую давало подполье,—школу высокого самоотвержения, боевого братства—в наших условиях может заменить в первую голову Красная армия.

* * *

Для этого нужно, повторяем, чтобы понимание связи нашей внутренней работы с борьбой мирового рабочего класса вошло в кровь нашей молодежи. Достигнуть этого можно, только приблизив к нам мировое рабочее движение в гораздо большей степени, чем до сих пор. Как? Путем правильно поставленной, серьезной, добросовестно продуманной информации. Время суммарных лозунгов насчет призрака коммунизма, который бродит по Европе, уже прошло—и еще не наступило. Нужно, чтобы наша передовая молодежь изо-дня в день через газеты, журналы, лекции следила за ходом революционного движения во всей его конкретности; чтобы она знала его силу и слабость, трудности и ошибки, успехи и поражения, его организацию, его вождей. Благодаря тюрьмам, ссылке и эмиграции старшее поколение нашей партии получило эти интернациональные знания, воспитывалось на них,

впитало их в себя. В этом его сила, которая и позволяет ему играть ныне руководящую роль в Коммунистическом Интернационале. Младшему поколению нет надобности для этого ни в тюрьме, ни в эмиграции. Задача может и должна быть разрешена в порядке плана партийным и государственным путем. Прежде всего, наша пресса должна научиться давать систематическую, конкретную, живую, непрерывную информацию о борьбе рабочего класса во всем мире. Довольно бессвязных, эпизодических, отрывочных, тараторящих и пустозвонящих сведений! Нужно, чтобы сегодняшний день рабочего движения органически вытекал для читателя из вчерашнего дня. Нужны правильно поставленные корреспонденции из-за границы. Нужно тщательно следить за европейской печатью и выжимки из нее давать нашему читателю. Дело не в том, чтобы поучать, призывать, наставлять: этого слишком много и это утомляет; молодежь, выросшая в атмосфере лозунгов, призывов, восклицаний, плакатов, рискует перестать реагировать на них. Нужно дать ей фактические сведения в правильных пропорциях и в правильной перспективе. Нужно дать ей материальные элементы и методы самостоятельной ориентировки в ходе мировой революции. Как военный по призванию передвигает на своей карте флажки, напряженно вдумываясь в условия и шансы боев, происходящих от него за тридевять земель, так наша молодежь должна учиться на политической карте мира передвигать самостоятельно флажки классового фронта, взвешивать силы и средства борьбы, оценивать методы ее и проверять вождей. Нет более могущественного идейно-воспитательного средства—и против крохоборческого принижения, и против нэповского разложения, и против всех других опасностей.

* * *

Но и чисто практическая повседневная работа на почве советского культурно-хозяйственного строительства—даже и советская торговля в розницу!—вовсе не является практикой „малых дел“ и не несет в себе необходимо психо-

логии крохоборчества. Малых дел—без больших—в человеческой жизни сколько угодно. А больших дел без малых в истории не бывает вовсе. Точнее сказать: малые дела в большую эпоху, то-есть как составная часть большой задачи, перестают быть „малыми делами". После разгрома „Народной Воли" впавшая в дряблость и прострацию русская интеллигенция пыталась встать на путь „малых дел" культурнического и филантропического характера. Так вырос тип восьмидесятника—проповедника артелей и вегетарианства. После поражения революции 1905 г. русский меньшевизм окончательно стал на путь отказа от революционной программы во имя „злободневных потребностей", т.-е. малых дел. Так сложился тип ликвидатора, проросший насквозь буржуазностью и обернувшийся вскоре патриотом. В Европе за время между франко-прусской войной (1871 г.) и великой империалистской свалкой (1914 г.) социал-демократическая и профессионалистская бюрократия все больше и больше уходила в повседневную чисто-реформистскую, детальную работу, практически отказываясь от революционной борьбы с капитализмом, склоняясь ниц перед его могуществом. Так сложился оппортунист, националист, шейдемановец. Во всех этих случаях дело шло о политической и моральной капитуляции перед врагом. „Малые дела" открыто или молчаливо противопоставлялись большой исторической задаче. Творились они в щелях режима, установленного враждебным классом.

Совершенно очевидно, что совсем иного рода те злободневные потребности и частные задачи, которые требуют нашего внимания ныне. У нас дело идет о строительстве рабочего класса, который впервые строит для себя и по своему плану. Этот исторический план, хотя бы еще крайне несовершенный и сбивчивый, должен об'единить все части и частицы работы, все углы и закоулки ее, единством большого творческого замысла. Крохоборчество реформистов не в заботе о частичных реформах, а в том, что эти реформы заранее уложены в тесные рамки, какие отводит им враждебная воля. Если наши советские ре-

формы имеют тесные границы, то это—границы нашего собственного хозяйственного могущества или нашей слабости. От нашей воли и настойчивости зависит расширить их. Все наши отдельные и малые задачи—вплоть до советской торговли в розницу—входят, как части, в план господствующего рабочего класса, направленный им на преодоление своей хозяйственной и культурной слабости. В конце-концов и самый героический баррикадный бой распадается на детали: доставка бревен, опрокидывание телег, установка заграждений и пр. и пр. Но все это связывается высшим революционным напряжением борцов во имя большой политической цели. Единство большой цели и вырывает человека из мещанского крохоборчества, из обывательской тины, поднимает его над уровнем одних только мелких повседневных забот, окрыляет его жизнь даже при самой скромной доле его личного участия в общей работе.

Социалистическое строительство есть плановое строительство величайших масштабов. И через все приливы и отливы, ошибки и повороты, через все извилины НЭП'а партия преследует свой большой план, в духе этого плана воспитывает молодежь, учит каждого связывать свою частичную функцию с общей задачей, которая требует сегодня тщательно пришивать советскую пуговицу, а завтра—бесстрашно умирать под знаменем коммунизма.

Советская техника поднимается на уровень революционной политики. Слесарь, ткач, мастер, инженер,—сознательные участники общего хозяйственного плана,—должны стать таковыми. Техническое обучение молодежи не только специализация, но и подготовка к участию в плановом строительстве, в социалистическом зодчестве, в революционном подвиге. Для техники Советская Россия—необ'ятное поле. И пролетарское студенчество—при правильной постановке дела—будет с таким же энтузиазмом изучать агрономию, термодинамику или электротехнику—уже изучает,—с каким наше поколение училось организации стачек, кружков и подпольных типографий. Специализация необходима, плодотворна, спасительна,

как элементарная предпосылка всякого успеха. Но специализация в рабочем государстве вовсе не должна вести к сплющению личности, к замкнутой односторонности. От нашей молодежи мы должны и будем требовать серьезной и глубокой специализации, а стало быть, и освобождения от основного греха нашего поколения—всезнайства и всеумейства,—но специализация на службе общего, каждым в отдельности воспринятого и продуманного плана. Партия должна будет в ближайшие годы воспитать могущественные научно-технические кадры. Советская техника должна будет подняться на высоты коммунистической партийности.

* * *

Вопрос, однако, этими общими историческими соображениями не исчерпывается, ибо они являются решающими только в так-называемом „последнем историческом счете". Практически же соотношение между специализацией и партийностью стоит (для сегодняшнего дня) сложнее и острее.

Конечно, и до октября большевики были не только большевиками, но и выполняли известную служебную, профессиональную работу. Разница, однако, с дореволюционным временем огромная. Во-первых, штабы партии были тогда заняты почти исключительно партийной работой: это так называемые профессиональные революционеры, и число их было довольно значительно. Во-вторых, члены партии, оставшиеся у станков, в конторах и пр., отдавали своей заводской и конторской работе только физические силы, только время, но не душу. Активной сознательной жизнью они жили вне своей профессиональной работы. А теперь? Штабы партии, и центральный и местные, состоят, за небольшими исключениями, из товарищей, выполняющих наиболее ответственную государственную работу, почти всегда специализованного типа. То же самое относится и к очень значительному числу членов партии, не принадлежащих формально к ее штабам, но составляющих ее основные кадры. В свою адми-

нистративную, хозяйственную, военную, дипломатическую и всякую иную работу коммунисты вкладывают теперь свою личность целиком, ибо дело идет не о службе, а о социалистическом строительстве, и чем дальше, тем больше члены партии специализуются, тем больше они входят во вкус специализации—и так должно быть, ибо без специализации нельзя достигнуть ничего серьезного и дельного в таком колоссальном „предприятии", как построение нового государства и нового хозяйства. Но и опасность, отсюда вытекающая, велика—из-за пристального разглядывания деревьев можно разучиться видеть лес.

Года три тому назад мне как-то пришлось сказать, что будет большим для партии завоеванием, когда вместо внутрипартийных течений и фракций старого типа у нас создадутся группировки электрофикаторов, торфистов, сланцистов и пр. В общем эта мысль остается правильной и сейчас. Но замедленное в мировом масштабе развитие революции означает для нас замедленное хозяйственное развитие, а это, в свою очередь, означает, что чисто политические вопросы: взаимоотношение между рабочими и крестьянами, партией и массами, сохранят для нас еще долго свое решающее значение, и если бы раздробленная и поглощенная специализованной работой партия утратила способность быстрой ориентировки в этих вопросах и чуткость ко всяким изменениям в политической области, это грозило бы величайшими опасностями. Пытаться противодействовать этому, таща партию назад, к примитивным способам решения всех и всяких советских вопросов „партийным путем", на глаз, было бы, разумеется реакционнейшим дон-кихотством. Мы только измотали бы на этом пути партию, заставляя ее голыми руками выполнять работу, для которой у нас уже существуют, хотя и не очень тонкие, но все же инструменты. Противодействовать ведомственному (и всякому иному) перерождению партии можно только сочетанием ряда методов, способных усиливать и сплачивать партию, расширять ее базу, улучшать советские „инструменты" и научать партию—то-есть себя самих—лучше владеть ими.

Нужно прежде всего систематически увеличивать в партии число членов, работающих у станка. Промышленность получила сейчас бо́льшую устойчивость, чем в первые годы революции, и мы надеемся, что устойчивость ее будет расти. Вербовка членов партии на заводах может и должна принять строго систематический и притом индивидуализированный характер. Мы должны завоевывать в отдельности каждого рабочего, который заслуживает завоевания. Рабочая молодежь должна стать поголовно нашей. Это задача всех задач, ключ ко всем замкам. Кристаллизация в верхних слоях партии по линиям специальностей и ведомств будет тем менее угрожать партии бюрократическим окостенением, чем обильнее будут питающие партию подпочвенные родники.

Дальше следует повышение политической и теоретической квалификации партии и, как важнейшее к этому средство, улучшение партийной печати, которая должна лучше информировать, больше заинтересовывать, глубже захватывать, в частности—освобождение партийной печати от ведомственной вермишели и от однообразных прокламаций, которые не учат, не побуждают, а утомляют. Но об этом надо говорить особо—конкретно и настойчиво.

Наконец, очень важным и наиболее неотложным средством является усиление и улучшение партийного контроля не только в партийной, но и в советской работе. Ведомственность, бюрократизм, рыночная перелицовка человеческих отношений — все это развивает очень большую силу втягивания, обволакивания, разложения. Наша партия знает это гораздо лучше, чем ее критики со стороны. Но она не пасует перед этими тенденциями, а сознательно, планомерно, бдительно и непримиримо противодействует им. И не только своей общей работой, но и через специальные органы контроля, приноровленные к конкретным формам нынешней партийной и советской работы. Члену партии, который так „специализовался“ на своей ведомственной работе, что утратил нравственную связь с партией, незачем оставаться в партии. Он может быть полезным советским работником, но ему нельзя давать голоса

в определении общей политики партии. Коммуниста, которому грозит такое перерождение, должно во-время остановить. Это очень важная задача, которая автоматическим действием советского аппарата не может быть решена. Партия, как партия, организована у нас очень солидно. Но в состав советского аппарата члены партии входят совсем на других началах—с иными взаимоотношениями и иной иерархией. Между партийной и советской организацией существует очень сложное взаимпроникновение, недостаточно, однако, организованное со стороны партии. Отсюда потребность в самостоятельном контрольном органе, имеющем задачей обеспечить партийную линию не только в партийной, но и в советской работе,—авторитетном, гибком, товарищеском, но и беспощадном, когда нужно. Вопрос этот, как все, разумеется, помнят, составляет главную часть темы двух последних статей т. Ленина.

II

Национальный вопрос и воспитание партийной молодежи.

Еще Гете сказал, что старые истины приходится снова и снова завоевывать. Это относится к отдельным людям, к партиям, к целым классам. Партии нашей надо снова завоевать для себя, т.-е. заново продумать и сознательно проверить на опыте свою национальную программу.

И внутренняя и международная политика нашей партии определяется двумя основными линиями: революционно-классовым движением западного пролетариата и национально-революционным движением Востока. Мы уже говорили, как важно для нас связать крепкими живыми узами воспитание нашей молодежи, да и всей партии (воспитание партии, как и отдельного человека, никогда не заканчивается: век живи, век учись) с фактическим ходом пролетарского движения во всем мире. Здесь мы должны сказать, что не меньшее политическое движение для ориентировки и самовоспитания партии имеет ясное понимание ею национального вопроса. Мы говорим: не меньшее, рискуя вызвать недоумение: ведь, на Западе дело идет о борьбе пролетариата за власть, а на Востоке— „всего на всего" об освобождении крестьянских, преимущественно, наций от чужеземного ига. Разумеется, отвлеченно рассуждая, эти два движения относятся к разным эпохам общественного развития, но исторически-то они связаны воедино, направляясь с двух сторон против одного и того же могущественного врага: империализма. И

если бы мы не поняли колоссального значения национально-революционного фактора, его неизмеримой взрывчатой силы, мы рисковали бы безнадежно скомпрометировать революционное движение Запада—и себя вместе с ним—на многие годы, если не навсегда [1]).

Мы достаточно твердо усвоили из опыта нашей революции значение правильных взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством,—т.-е. взаимоотношений, соответствующих их классовым силам и ходу развития революционного движения во всем мире. Мы склоняем, и не случайно, слово „смычка" во всех падежах—нечего греха таить, иногда довольно-таки невпопад! Но основа вопроса нами твердо усвоена. Наше правительство не зря называется рабоче-крестьянским. Если успех нашей революции зависит от правильного сотрудничества пролетариата и крестьянства, то успех мировой революции зависит, в первую голову, от правильного сотрудничества западно-европейского пролетариата с крестьянским национально-революционным Востоком. Россия — гигантский стык пролетарского Запада и крестьянского Востока, стык и вместе—показательное поле.

В самой России, однако, вопрос о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством вовсе не однороден. Одно дело—взаимоотношения великорусского пролетариата и великорусского крестьянства. Здесь вопрос стоит в своем чистом классовом содержании. Это обнажает и упрощает задачу, облегчая тем самым ее разрешение. Другое дело—взаимоотношения великорусского пролетариата, играющего первую скрипку в нашем союзном государстве, и азербейджанского, туркестанского, грузинского или украинского крестьянства. Там, в угнетавшихся ранее „окраинах", все социальные, классовые, экономические, административные и культурные вопросы получают

---

[1]) И на европейском Западе национальный вопрос будет играть еще огромную роль в революции. Достаточно вспомнить Польшу, Румынию, Балканы, всю центральную Европу. Но мы говорим в тексте об основных линиях революции.

большой угол отклонения, преломляясь через национальную призму. Недоразумения между пролетариатом и крестьянством (а мы их видали за эти годы не мало) приобретают там неизбежно национальную окраску. Это относится в значительной мере и к пролетариату угнетавшихся ранее наций. То, что в Москве или Петрограде будет понято, как простой практический конфликт между центром и местами, городом и деревней, текстильщиками и металлистами, то в Грузии, в Азербейджане и даже на Украине легко может принять форму конфликта „великодержавной“ Москвы с потребностями малых и слабых наций. В известных случаях это так и есть. В других случаях это может так представиться. Наша задача состоит в том, во-первых, чтобы этого не было, во-вторых, чтобы это не могло и казаться. И это очень большая задача, которую мы должны разрешить во что бы то ни стало: и конституционными и административными, а прежде всего—партийными методами.

В чем состоит опасность неправильной политики в отношении к крестьянству? В том, что крестьянство может выйти из-под руководства пролетариата и подпасть под руководство буржуазии. Но эта опасность удесятеряется, как только речь заходит о крестьянских массах, а в значительной мере и о молодом и немногочисленном пролетариате малых и отсталых наций, угнетавшихся царизмом. Национальная связь классов есть тоже „смычка“, которая не раз себя обнаруживала в истории, как очень крепкий и очень вязкий цемент. Грузинские меньшевики, украинские петлюровцы, армянские дашнакцаканы, азербейджанские мусаватисты и пр. и пр. обречены на ничтожество при правильном, то-есть внимательном и предупредительном отношении нашем к национальным потребностям тех народов, старые исторические обиды которых эксплоатируются названными партиями: и, наоборот, непонимание или недостаточное понимание нами огромной исторической важности завоевания полного и безусловного доверия угнетавшихся ранее наций неизбежно придает всем и всяким требованиям, вся-

кой обиде, всякому недовольству туземных трудящихся масс оппозиционно-национальную окраску, а на этой основе националистическая идеология создаст или, вернее, воссоздаст между буржуазией и трудящимися крепкую „смычку“, направленную целиком против революции.

Диктатура рабочего класса впервые в истории открыла возможность правильного разрешения национального вопроса. Советский строй создает для этого вполне пригодные государственные рамки, эластичные, упругие и в то же время всегда способные дать выражение как центростремительным тенденциям революции, окруженной неисчислимыми и непримиримыми врагами, так и плановым потребностям социалистического хозяйства. Но мы впали бы в грубое самообольщение, если бы возомнили, будто национальный вопрос уже решен нами. Фактически под таким самодовольством (а оно попадается даже и в рядах нашей партии) скрывается нередко великодержавный национализм, не агрессивный, а дремлющий, и не любящий, чтобы его тревожили. „Разрешить“ национальный вопрос можно только обеспечив за всеми нациями возможность ничем не стесненного приобщения к мировой культуре— на том языке, который данная нация считает своим родным языком. Это предполагает большой материальный и культурный под‘ем всего нашего Союза—и до этого еще далеко. Произвольно сократить срок такого под‘ема мы не властны. Но мы властны в одном: показать и доказать, не в программных заявлениях, а в повседневной нашей государственной работе,—всем малым, слабым и отсталым нациям и народностям, угнетавшимся ранее царизмом, что если очень важные и значительные потребности их неудовлетворены, то тому причиной являются об‘ективные условия, общие для всего Союза, а никак не невнимание, никак не великодержавное пристрастие. И эта задача— завоевание полного и безусловного, всем опытом проверенного доверия малых и слабых наций,—является первостепенной партийной задачей.

Наиболее глубокую и яркую борозду в сознании многомиллионных масс советского Союза провела граждан-

ская война. В мотивах и целях этой войны не было на стороне нашей партии ни атома национализма или „империализма“. Война имела, по самой сути своей, революционно-классовый характер и в этом своем виде охватила всю территорию старой царской империи, переливаясь моментами за старые рубежи. Гражданская война пересекалась по разным направлениям и под разными углами с национальными группировками и нередко тяжело ударяла по отдельным частям нынешнего Союза. Во время жесточайшей войны за спасение революции законы войны ставились над всеми другими законами. Мосты разрушались независимо от того, какой ущерб будет от этого хозяйственной жизни. Под штабы и воинские части занимались здания, из которых вытеснялись школьники и учителя. Суровый военный режим не мог не ударять тяжко по культурной жизни вообще, национальной—в частности. К этому присоединялось еще, что в отдельных случаях отсталость красноармейской части, злая воля отдельных элементов комсостава, недостаточная энергия политработников порождали игнорирование и даже грубое попрание национальных чувств и настроений. Но это были все же изолированные явления и преходящие. В общем же, гражданская война, спаивая кровью трудящихся всех национальностей в борьбе против классовых угнетателей, по самому существу своему, не могла быть школой повседневного сожительства и сотрудничества на началах не формального, „конституционного“, а фактического, материального и нравственного равноправия граждан малых и отсталых народностей с гражданами державной ранее народности в пользовании всеми теми весомыми и невесомыми благами, которые может и должна обеспечить принадлежность к советскому Союзу. Чувство национальной обиды у малых и угнетенных ранее наций накоплялось десятилетиями и столетиями. И с этим наследством, как и с угнетенным положением женщины, скажем, нельзя покончить одними только декларациями, хотя бы и вполне искренними, хотя бы и законодательного характера. Нужно, чтобы женщина

в жизни, в быту, в повседневном опыте своем почувствовала, что на пути ее нет никаких внешних ограничений и стеснений и нет к ней пренебрежительного или снисходительного тона, наоборот, есть не только „права“, но и братское участие, направленное на то, чтобы помочь ей подняться на более высокую ступень. Нужно, чтобы малая нация почувствовала, что в сознании „державной“ ранее нации произошел радикальный и безвозвратный перелом, и что все отступления своих членов от практического и морального равенства, от фактическаго, жизненного национального братства „державная“ нация, то-есть ее правящий класс сам карает, как штрейкбрехерство и измену. Именно теперь, с наступлением более органической работы как хозяйственной, так и культурной, малые нации будут с настороженным вниманием относиться к тому, как на них отражаются общие хозяйственные, политические, юридические, культурные мероприятия советской власти Союза, то-есть, в первую голову, какую линию ведет в этих вопросах наша партия.

В этой сфере ищут и будут искать поживы наши враги. Какую бешеную международную кампанию вела и ведет социал-демократия на почве грузинского вопроса, изображая изгнание из Грузии меньшевиков, как подавление грузинской нации! Мы доказывали, и с полным основанием, что очищение Грузии от меньшевистской агентуры империализма было вопросом жизни и смерти для всей нашей революции. Для нас несомненно, что пролетарская революция по своим целям и последствиям целиком совпадает с интересами малых и угнетенных народов. Но живая, борющаяся, еще не завершенная революция ходом своим может наносить и, не желая того, наносит удары национальным интересам и чувствам. Что вступление Красной армии в пределы Грузии, на помощь грузинским повстанцам, не только истолковывается шарлатанами международного меньшевизма, как „захватническая“ политика советской власти, но могло быть так понято и действительно было так понято известной частью грузинского крестьянства и даже грузинских рабочих,—это бесспорно.

В борьбе с этим настроением и с этими взглядами совершенно недостаточно доказать, хотя бы и с документами в руках, что грузинские меньшевики сознательно открывали мировому империализму наиболее опасные для революции пути, ибо та, более отсталая часть трудящихся грузин, которая была охвачена национальным недоверием к Красной армии, тем и отличается, что ей еще недоступно понимание революционных событий в их европейской и мировой связи. Единственно убедительной может быть здесь лишь такая наша политика, которая на деле показывает грузинскому крестьянину, что его национально-культурные интересы, его национальные чувства, его столь часто оскорблявшееся в прошлом национальное самолюбие, находят сейчас все то удовлетворение, какое только возможно по об'ективным условиям.

Очень возможно, что мы стоим еще перед известным обострением национальной чувствительности и даже национальной мнительности у тех народностей, которые раньше угнетались и которые, конечно, требуют—и в праве требовать—от революции, чтобы она обеспечила их от каких бы то ни было рецидивов национального неравенства в будущем. На этой почве вполне возможно проникновение или усиление националистических тенденций (преимущественно оборонительно-националистических) даже в среду коммунистов малых наций. Но такие явления, по общему правилу, имеют не самостоятельный, а отраженный, симптоматический характер. Как анархо-авантюристские тенденции в рабочих кругах являются обычно признаком и результатом оппортунистического характера руководящих рабочих организаций, так националистические тенденции среди коммунистов малых наций являются признаком еще не везде вытравленных грехов великодержавности в общегосударственном аппарате и даже в иных уголках самой правящей партии.

Опасность по этой линии тем больше, что молодое поколение партии совершенно, в сущности, не сталкивалось политически с национальным вопросом. В царской России вопрос этот неотступно стоял пред революционной

партией в виде национального угнетения, и в повседневной агитации нашей играл виднейшую роль. Партийная теория отводила национальному вопросу большое место. „Старики“ через все это прошли (хотя и здесь рецидивы не редки). Молодежь же политически родилась в стране без национального гнета. Она знала вопросы военной обороны республики, подошла к вопросам хозяйства. Национальный вопрос перед ней по настоящему почти не вставал. Ей поэтому иной раз кажется, что она с ним уже разделалась, примерно, как с религией. Есть ли, мол, тут о чем разговаривать или думать?

В составе самых малых или отсталых наций наблюдается нередко недостаточное внимание к национальному вопросу со стороны наиболее революционных, в том числе и пролетарских, элементов. Примкнув к Российской Коммунистической Партии и сразу раздвинув свой горизонт, молодые, искренние, горячие революционеры склонны иногда глядеть на национальный вопрос у себя под ногами не как на задачу, которую нужно разрешить, а как на простую помеху, через которую нужно перескочить. Несомненно, что борьба со своим домашним национализмом, хотя бы и выросшим из былого угнетения, представляет важную задачу передовых революционных элементов везде и всюду. Но на почве, насыщенной старым угнетением, эта борьба должна иметь терпеливо-пропагандистский характер и опираться не на игнорирование национальных потребностей, а на заботливое их удовлетворение.

Отмахивание от национального вопроса совершается иногда и товарищами постарше—с такой мотивировкой, что это мол, временная „уступка“—вроде нашей „народнической“ аграрной программы или НЭП'а. Ну чтож, это сопоставление можно условно принять. Разумеется, было бы легче строить социализм, если б не было надобности в национальных „уступках“, то-есть, если б не было в прошлом национального угнетения, а в настоящем—различия языка и национальных культур. Точно так же, как легче было бы устроить социализм, если бы не было у нас много-

миллионного крестьянства. Можно пойти еще дальше и сказать: для пролетарской революции было бы лучше, если бы Азия представляла такую же капиталистическую арену классовой борьбы, как и Европа. Но такая постановка вопроса совершенно безжизненна. По существу дела невнимание или небрежительное отношение к национальному вопросу скрывает под собою нередко именно такого рода безжизненное сумбурно-рационалистическое отношение к истории. Между тем могущественный революционный реализм нашей партии в том и состоит, чтобы брать факты такими, как они есть, и их практически комбинировать в интересах революции.

Если бы мы накануне Октября закрывали глаза на крестьянство, мы, разумеется, были бы сейчас не ближе к социализму, а не дошли бы и до советской власти. Значение крестьянства наша партия вполне поняла только за эти годы после Октября: „старики" поняли практически то, что раньше знали теоретически, а молодежь, сразу столкнувшаяся с вопросом практически, осмысливает ныне свой опыт теоретически. В области национального вопроса партия в целом нуждается, несомненно, в повторительном курсе, а молодежь—и в первоначальном. И этот курс нужно пройти своевременно и по очень твердой программе: ибо, кто игнорирует национальный вопрос, рискует захлебнуться в нем.

Внимательное отношение к национальным потребностям вовсе не означает, разумеется, культивирования хозяйственного сепаратизма, который может быть на руку только местной („национальной") бюрократии, но никак не народным массам. Совершенно очевидно, что централизованное управление железными дорогами во всем Союзе совершенно не исключает пользования национальным языком на железных дорогах. И при оценке автономных требований и программ надлежит строжайшим и внимательнейшим образом различать между чисто бюрократическими, „местническими" притязаниями административных верхушек, иногда чрезвычайно обрусительных

по отношению к местному населению и в то же время сепаратистских по отношению к центру,—и между действительными, бытовыми, жизненными интересами и потребностями народной массы.

Самая широкая самостоятельность в национально-культурной области в принципе вполне совместима с хозяйственной централизацией, поскольку эта последняя вызывается природными и производственно-техническими условиями. Но государственное согласование хозяйственной централизации с национально-культурной децентрализацией—в жизни, на практике,—большая и сложная задача, разрешение которой требует осторожности, вдумчивости и выдержки. Несомненно, что национальности, терпевшие ранее угнетение, и несущие сейчас на себе его следы, могут оказаться склонными отстаивать свою автономию и в таких областях, которые по существу своему—без всякого ущерба для национальной самостоятельности и с большими административными или хозяйственными выгодами для всех—могли бы быть централизованы. Но и в таких спорных вопросах надо предварительно сделать все для того, чтобы по крайней мере руководящие слои малой или отсталой нации поняли выгоды и преимущества централизации и помогли бы народным массам понять эту меру не как идущее из центра насилие, а как меру, обеспечивающую общие интересы и проводимую в жизнь путем соглашения. В политике нельзя мыслить рационалистически, а в национальной политике—меньше, чем где бы то ни было.

* * *

В заключение еще только два слова. Не так давно пришлось мне услышать от одного совсем немолодого коммуниста, будто выдвигание важности национального момента в революции, есть....—неловко признаться, но грех утаить—меньшевизм и либерализм. Вот уже подлинно что значит опрокинуть вещи и понятия вверх тормашками! Позиция меньшевизма в национальном вопросе такова: пока меньшевизм в оппозиции, он национально-

сентиментален и демократически-широковещателен, не смея никогда поставить вопрос ребром, то-есть в плоскость призыва угнетенных к восстанию; когда же национальная буржуазия в опасности, или когда сам меньшевизм у власти, он проникается до пят сознанием важности и ответственности порученной ему буржуазией великодержавной миссии и продолжает централистически угнетательскую политику, приправляя ее обличением национализма.... угнетенных наций. Именно большевизм проявил свою революционную дальнозоркость тем, что сумел под классовым углом зрения понять огромную революционную важность национального фактора. И в этом именно духе и направлении большевизм поведет и дальше воспитание молодежи.

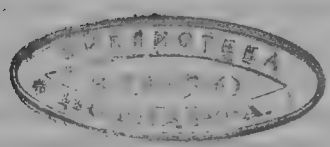
БИБЛИОТЕКА ЦКВ (Л.Б.) ИСТПАРТА

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Международная и внутренняя обстановка	5
„Передышка" превратилась в целый период	9
Общая задача XII-го с'езда	12
Пролетариат и крестьянство	14
Государственная промышленность	17
Задачи военной обороны	25
Партия и государственный аппарат	27
Руководящая роль партии	31
Национальный вопрос	35
Положение внутри партии	41

МЫСЛИ О ПАРТИИ.

I глава	51
II „	61



2 р. 50 к

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Изд. „КРАСНАЯ НОВЬ" при Главполитпросвете.

Торговый сектор Издательства:

Москва, Милютинский пер., д. 22, кв. 43.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ", Театральная площадь, 2-й дом Советов, и во всех книжных магазинах г. Москвы.